

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕСЛИ СГОРИМ...

18+

ВИОЛЕТТА РОМАН

Виолетта Роман

Если сгорим

«Автор»

2023

Роман В.

Если сторим / В. Роман — «Автор», 2023

Даже если у меня тебя больше нет, я не верю в такой исход. У каждой истории есть свой happy and. Если наш финал плохой, то это еще не конец.ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ТОМ ТРИЛОГИИПервый том "Останься моей"Второй том "Разлюби меня"

© Роман В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Грязные воды	5
Глава 2. Тебе помогут мои ответы?	10
Глава 3. Приходи в себя	15
Глава 4. Запертая	19
Глава 5. Злость ей к лицу	22
Глава 6. Что посеешь...	29
Глава 7. Делая больно, не забывай защищаться	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виолетта Роман

Если сгорим

Глава 1. Грязные воды

Две недели спустя

– Ты снова ничего не ела.

Почему ее голос казался мне противным? Новая домработница, приставленная ко мне Давидом, при любом контакте со мной старалась из всех сил показать свою значимость. Словно она не прислуга, а чертова хозяйка.

Короткая юбка оголила округлые бедра, и полоску черного белья. Она подняла поднос с засохшей едой с пола. Марго пришла за моим ужином спустя сутки, словно специально желая оставлять подольше в комнате протухшие продукты. Словно это имело для меня какое-то значение. То состояние, в котором я находилась, исключало любые риски неудобств. Когда ты на пороге гибели, вряд ли тебя будет заботить неприятный запах в комнате.

Она все еще не уходила, что было странно. Наше с ней общение всегда ограничивалось парой колких фраз с ее стороны. Все приставленные ко мне работники словно старались избегать моей комнаты, а если уж им приходилось здесь бывать, то несчастные сокращали продолжительность визита до минимума. Наверное, это было потому что никто из них не хотел оказаться на моем месте.

– Хватит валяться. Встань и прими душ. Шеф приехал и вызывает тебя. Через десять минут за тобой придут, – бросив напоследок в мою сторону взгляд, полный презрения, она вышла за дверь. Как только замок щелкнул, я приняла сидячее положение.

Повернувшись к зеркалу, посмотрела на свое отражение. Впавшие скулы, заостренный нос и темные круги под глазами. Невыносимая пульсация в голове накатывала волнами. Отвернувшись, испытывая горечь от собственного вида.

Я опустила руки, и сейчас не могу точно сказать, что именно стало тем ударом, сбившим меня с ног. Исчезновение Исая из моей жизни, причину которого я как старалась, не могла понять. Или тот факт, что уже две недели я не видела своего сына.

В тот день, когда Олег вернул меня в дом Давида, я была похожа на живой труп. Спустя несколько часов в комнату заявился Астахов. Пьяный и злой. Я не знаю, что случилось с ним в тот день, но казалось, словно уровень его ненависти ко мне зашкаливал.

Он кричал на меня, обзывал гадкими словами. Он порвал на мне одежду, словно это могло ему помочь вернуть меня или сделать своей. Он рычал о том, как больно я ему сделала, и за это каждый день своей жизни я буду искупать вину. Словно это могло помочь ему исправить все случившееся, он был в шаге от того, чтобы взять меня. Но он не взял. В какой-то момент, когда я уже и не надеялась на спасение, он вдруг остановился и посмотрел мне в глаза. Столько было в его взгляде ненависти, боли, презрения. Человек, испытывающий подобное, способен убить. Но он не убил. И не закончил начатое.

– Ты думаешь, я трахну тебя и все наладится? – его губы исказил звериный оскал. Он провел ладонью по моему лицу так, словно никогда и ни за что больше не хотел его видеть. – Ты грязная шлюха и не достойна того, чтобы я касался тебя. А уж тем более, ты не достойна быть матерью моему сыну...

Раздираемый яростью, он сорвался к столу и, схватив ноутбук, швырнул его о стену. А после, словно ему показалось мало, он растоптал его ногами, превратив в груды обломков.

Лишь мой надрывный крик и полные слез и ужаса глаза смогли немного унять его пыл. Ему нравилось, когда мне больно. И чем хуже мне было, тем спокойней он становился.

Не забуду ту зловещую улыбку, появившуюся на его губах, когда он подошел ко мне снова.

– Ты больше не услышишь его и не увидишь. Ты больше не станешь пользоваться благами статуса моей женщины. Ты теперь никто. Грязь под моими ногами.

Я не слышала ничего после первой фразы. Казалось, меня лишили воздуха.

– Верни... верни мне хотя бы его... – горло сдавливало спазмом. Я смотрела на лежащий на полу мусор, который недавно был единственным средством связи с сыном.

Давид отбросил мою руку, которой я вцепилась в ткань его брюк.

– Верну, когда посчитаю, что ты того заслужила. А сейчас ты грязная тварь не должна даже говорить с ним.

С того момента он ни разу не приходил ко мне. Две недели полной тишины и одиночества. Две недели я не видела своего ребенка, и не знаю, где он и как он.

Лишенная всякой надежды я не могла найти в себе силы бороться. Но сейчас, когда я узнала, что Астахов здесь, и готов увидеть меня, в груди словно что-то зажглось. Маленький, едва различимый огонек, но и его хватило для того, чтобы вернуть мне силы.

С трудом добравшись до ванной комнаты, я умылась и привела в порядок волосы. Косметики здесь не было, как и запасной одежды. Затянув поясом от брюк порванную Давидом блузку, я посмотрела на себя в зеркало. Мертвецки бледная кожа, синяки под глазами и ссохшаяся кожа губ. Без слез не взглянешь. Но несмотря на столь жалкое зеркальное отражение, я была преисполнена сил и надежды. Я не позволю ему думать, словно уже сломана. Даже если я одна против всего мира, мне плевать. Я должна жить и бороться ради Дани.

Спустя пятнадцать минут постучали в дверь. Стоя у окна, я обернулась. В груди зашекотала крыльями призрачная надежда. А когда дверь открылась, и в комнату вошел Олег, на лице расплылась улыбка.

– Добрый вечер, Роксана, – он прошел в комнату с совершенно каменным лицом. Я подошла к нему ближе, не решаясь задать ни одного вопроса из сотни имеющихся.

С того момента, как он отвез меня в дом Исае прошло уже две недели. Больше мы не виделись, и я не знала, почему Олега не допускали ко мне. Я боялась, что Давид наказал его. Уверена, в комнате куча жучков и камер, и если я пророню хотя бы слово, то уж точно подпишу ему смертный приговор.

Его взгляд абсолютно ничего не выражал.

– Босс ждет вас во дворе. Пройдемте за мной.

Я была абсолютно спокойна, когда шла за Олегом по первому этажу дома, который когда-то был для меня самым уютным местом. Сейчас он выглядел так уродливо и неуютно, даже не верилось, что каждый его уголок был придуман и создан мной, создан всем сердцем.

Когда мы подошли к входной двери, он замер. Со стороны улицы раздавались звуки музыки и многочисленные голоса.

– Будьте благоразумны. Не все, что вы увидите, понравится вам. Но Босс сегодня не в духе.

Вместо ответа, я толкнула дверь и вышла на крыльцо. Мне было плевать на его настроение, я уже потеряла все. Я пленница, я в его глазах предательница и изменница, так разве может быть у него для меня хороший настрой?

На заднем дворе, у бассейна был накрыт стол, во главе которого восседал Давид. Рядом с ним находились его приближенные – несколько мужчин я знала, прежние сотрудники вернулись на свой пост. Людей было много – мужчин человек десять, и с каждым в паре по девушке.

Обстановка, царящая здесь, доказывала очевидное – Давид собрал вокруг себя целую армию бандитов, и не гнушался их общества. Раньше муж держал поодаль подобное отребье,

как любил их называть. Он действовал всегда чужими руками, но сейчас Астахов был совершенно другим. Глава бандитской группировки – не иначе.

Когда я подошла к столу, все присутствующие посмотрели на меня. Я же застыла взглядом на высокой блондинке, только что положившей свою ладонь на колено моего бывшего мужа.

– Добрый вечер, вот уж кого рада видеть, – проговорила с ухмылкой, устроившись на свободный стул. Не хотелось давать ей фору и показывать свою растерянность.

Смирнова посмотрела на меня так, словно я недостойна даже воздухом одним с ней дышать.

– А я уж точно нет. Давид, что она тут забыла? Ты обещал, что она не станет мозолить мне глаза, – обиженно надув губы, Евгения потянулась к Астахову и прижалась к его плечу. Взгляд его черных глаз скользнул по мне, намеренно задерживаясь на порванной блузке.

– Выглядишь, и правда, жалко, смотреть тошно, – процедил сквозь зубы. – Марго! – крикнул громко.

В следующую минуту рядом с ним появилась девушка.

– Шмоток ей купи немного, денег дам.

– Не надо, – резко оборвала Евгения. Моя бывшая подчиненная, словно радовалась прекрасной идее, пришедшей в голову. – Я сама куплю ей шмоток. Не нужно напрягать персонал такими вопросами.

Давид пожал плечами, говоря о том, что ему все равно. Он сделал глоток алкоголя.

– Ну как тебе, Роксана? Как вернуться домой в родные пенаты? Смотри, как получается, – он подается ближе, не сводя с меня пытливых глаз. – Предателям приходится платить за свои ошибки, а тот, кто был верным, получает все, – на этих словах он обнимает любовницу и прижимает к себе.

– Ты думаешь, меня это хоть чуточку трогает? Ты думаешь мне есть дело, с кем ты спишь и с кем проводишь время? Отдай мне сына, и может тогда, я посмотрю на тебя как на человека.

Его пальцы смыкаются на бокале, а потом он вдруг резко отталкивает его. Молниеносный взрыв эмоций, сменяющийся полным штилем.

– Хорошо, – произносит спокойным голосом.

Освободившись от рук Смирновой, он поднимается с места и подходит ко мне. Его ладони касаются моих плеч, меня начинает мутить.

– Раз тебе плевать, и ты хочешь видеть сына... Докажи мне, Роксана, что ты достойна этого...

Мне приходится сжать кулаки, чтобы не послать его к черту. Вместо этого я отвечаю, не медля.

– Что я должна сделать?

– А что ты готова сделать? – он вытаскивает из кармана небольшой клочок бумаги. Улыбаясь, демонстрирует его мне.

– Что ты готова сделать ради того, чтобы увидеть сына, скажи, Роксана?

– Ты прекрасно знаешь, что я здесь только из-за Дани.

В ответ он молча хватается за руку и тянет к бассейну.

Когда мы подходим ближе, я вижу, что он находится в ужасном состоянии. Застоялая вода, которую никто не менял более полугода, представляла из себя грязную субстанцию, покрытую ворохом полусгнивших листьев и прочего сора. Да к тому же от нее исходил зловонный запах.

– Вот здесь написан адрес, где находится Даня, – замахнувшись, он швыряет бумажку прямо в центр этой жижи.

Давид возвращает ко мне полный вызова взгляд.

– Все в твоих руках, Роксана. Иди и забери его, а потом можешь валить на все четыре стороны. Даю тебе слово, никто не посмеет встать на твоём пути.

Небольшой клочок бумаги выделяется ярким пятном на грязной поверхности воды. Я не могу оторвать от него глаз. Влезть в зловонное болото и стать посмешищем для остальных? Отпустит ли он меня, выполнит ли слово или это очередной его прием, чтобы унижить меня?

Все это не имело значения. У меня не было ни единого сомнения, когда я сделала шаг, и зашла по самую грудь в воду. Я раздвигала руками грязь, стараясь не дышать и не думать, насколько это омерзительно. Я слышала за спиной злорадный смех, слышала, как они говорили обо мне, но мне было плевать. И когда покрытая сгнившими листьями и тиной рука схватила бумагу, я тут же развернулась, направляясь к бортику.

Выбраться из бассейна оказалось намного сложнее. Лестница была скользкой от нарощенного мха, а ветер нестерпимо жалил тело сквозь промокшую одежду. Когда я выбралась, раздался громкий свист и смех. Дрожащими руками я развернула лист бумаги, взгляд жадно скользнул по строчкам. В следующую секунду меня бросило в холодный пот.

Это был чек с ювелирного магазина. Внутри все задрожало, я прикрыла глаза, трамбуя внутри себя обиду и разочарование. Глупо, но я хотя бы попыталась.

– Вот, полюбуйся, – раздался голос Смирновой. Я распахнула глаза и посмотрела на протянутую ей руку. На безымянном пальце сияло кольцо с огромным камнем.

– Нравится? – спросила и, не дождавшись ответа, продолжила. – Мне тоже! Давид очень щедрый, – на ее лице заискрилась улыбка.

Я обернулась, Давид стоял рядом. В одной его руке был зажат алкоголь, вторая была в кармане брюк. Он смотрел на меня с нескрываемым презрением и улыбался.

– И когда ты так поглупела, Роксана? Когда превратилась в такую дуру? – он сделал шаг ко мне. Теперь между нами оставались считанные сантиметры пространства.

– Неужели ты веришь, что я так просто отпущу тебя после всего, что ты сделала? Ты думаешь, я отдам тебе ребенка?

Подбородок задрожал, к глазам подступили слезы.

– Ты пожалеешь обо всем, что сделал...

Он засмеялся, глядя мне в глаза.

– А кто меня накажет, скажи? Разве есть кто-то, кому есть до тебя дело?

Давид слегка склонил голову вбок, внимательно всматриваясь в мое лицо.

Я молчала.

– Или ты думаешь, что он поможет тебе? – он кивнул мне за спину. Продолжая сотрясаться от холода, я обернулась и застыла.

Он был здесь! Исай Гесс стоял в нескольких метрах от нас. На нем была темного цвета футболка и синие джинсы. Его волосы были аккуратно собраны в хвост. Дыхание сбилось, а сердце, сделав остановку, забило так сильно, что в горле сдавило. Я сделала шаг к нему, но тут же застыла. Что-то было не так. Все было не так. И холод в его глазах, во время мимолетного взгляда, брошенного на меня, словно невзначай. И то, как он вел себя в компании этих людей – словно знает их всех. А я для него была незнакомкой. Он прошел мимо, направляясь к Давиду.

Я смотрела на то, как Исай передает ему какие-то бумаги, как отдает кому-то команды, зажав кнопку в наушнике. Мне казалось, я свихнулась. Да, все происходящее – результат головки и эмоционального перенапряжения. Разве может быть так?! Это ведь не он! Мой Исай никогда не допустил бы подобного! Мой Исай разорвал бы Астахова на куски, попытайся тот приблизиться, а не дал издеваться надо мной.

– Орлов ждет твоего звонка. Есть пару вопросов по предложенной схеме. Нужно обсудить.

В этот момент мимо меня кто-то прошел, задев плечом. Это легкое касание стало тем, что сломало меня окончательно. Мои ноги подкосились, и я рухнула прямо на кафельную плитку

рядом с бассейном. В этот момент мне казалось, что я не смогу больше подняться и посмотреть еще раз в его глаза.

– Черт, уберите ее кто-нибудь, смотреть тошно, – процедил Давид сквозь зубы, а спустя несколько мгновений, меня кто-то схватил под руки. Касания горячих ладоней были необычно нежными. Мое глупое и наивное сердце решило дать ему еще один шанс. Но когда я подняла голову, то вместо родного синего неба его глаз, я встретилась с сочувствующим взглядом Олега.

– Роксан, идем. Я помогу тебе.

Глава 2. Тебе помогут мои ответы?

Его отчужденный взгляд, холодом которого сводило скулы, так и стоял передо мной. Он никак не выходил из головы. Стоило закрыть глаза, и я видела его четкий профиль, абсолютно расслабленное выражение лица. Ни один его мускул не дрогнул, когда они засыпали меня едкими издевками.

Странное ощущение не давало покоя. Словно это и не мой Исай был. Тело его, лицо, руки с знакомыми мне узорами тату, пальцы его длинные с перстнем на безымянном – я видела их четко, когда он передавал документы Давиду. Оболочка была его, а вот внутри... Кто был там?

Как могло ему стать все равно на меня? Почему он вдруг стал таким холодным? Словно не удивила его изодранная на мне в лохмотья одежда, мой вид, или факт моего нахождения в грязном болоте. Я знаю, он все видел, так почему позволил им издеваться надо мной?

Исай стал свидетелем того, как я растеряла последние остатки гордости, за которые так упорно держалась. И я знаю, что теперь я должна ненавидеть его, но мое сердце отказывалось верить в происходящее.

У него есть причина. У него должна быть причина так вести себя! Это его план... Я чего-то не знаю, но Исай обязательно найдет способ рассказать мне обо всем. Он здесь, чтобы спасти меня. Вот, какую правду я выбираю.

Я открываю глаза и смотрю на входящую в комнату Марго. На девушке сегодня короткий джинсовый сарафан и кеды. В ее руках пакет и она бросает его на стол.

– Переоденься и пошли во двор.

При мысли о том, что сейчас меня ждет, горло стягивает спазмом.

– Не хочу, – я снова закрываю глаза. Если Давид со своей любовницей собираются продолжать измываться надо мной, пусть придут сюда.

– Да никого там нет. Мы с девочками позагорать решили, и поступила команда тебя вывести, подышать. Сидишь тут в четырех стенах, на мертвеца похожа.

Она схватила пакет и бросила им в меня.

– Переоденься только, а то смотреть на тебя такую – настроение портить.

Сил не было, да и голова болела невыносимо. Но я не стала продолжать отпираться. Взяв пакет, поднялась с кровати и направилась в ванную комнату. Вещи не были новыми. Двое брюк, спортивные штаны и несколько футболок. Усмехнувшись, устало оперлась лбом о холодную поверхность кафеля. Надо ли думать, что Смирнова приготовила для меня старые ношенные вещи? Вещи, в которых я вряд ли смогла бы вызвать сексуальный интерес у бывшего мужа. Плевать. Она настолько жалкая, что даже в своем выигрышном положении печется о таких вещах.

– Только давай без глупостей, – предупредила Марго, перед тем как открыть входную дверь. В этот момент я стояла в коридоре и смотрела на площадку второго этажа, которую было видно через невысокое ограждение. Там спальня моего сына, там столько наших вещей...

– Эй! – ее крик заставил вздрогнуть. Марго выглядела раздраженной.

– Шефа нет, но охрана на месте. Просто будь благоразумной и не предпринимай попыток убежать. У меня-то проблем не будет, я действую не по своей инициативе, а вот тебе достанется посильнее, чем в прошлый раз.

Марго вышла на улицу, направляясь в сторону бассейна. Я просто следовала за ней. Сегодня был теплый денек. Солнце светило ярко, газонная трава блестела капельками воды после полива.

На шезлонгах расположились две девушки в купальниках. Марго опустилась на рядом стоящий лежак и взяла со столика бокал с коктейлем. Я заняла самый дальний.

Вода в бассейне сегодня была чистой, дно идеально вымытое. Стало не по себе от нахлынувших воспоминаний. Чтобы прогнать прочь дурные мысли, я прикрыла глаза, подставив лицо теплым лучам.

– Ну и? Видела его? – прошептала девушка, обращаясь к Марго.

– Да, он в гостиной с ребятами. Играют в видео игры, пьют содовую. Ей богу, как дети, когда шефа нет.

– Новый начальник охраны – тот еще кремень. Тем более, он совсем не пьет. Вряд ли ты сможешь подобраться к нему поближе, – пожала плечами третья девушка.

Я вслушалась в их разговор. Бьюсь об заклад, что говорили они об Исае. Новый начальник охраны? Ничего не понимаю. Неужели у него с Давидом такие доверительные отношения?

– Ты куда это собралась? – воскликнула Марго, когда я вскочила с шезлонга.

Я постаралась выдохнуть, чтобы скрыть волнение.

– Мне стало дурно. Слишком много солнца за раз. Я вернусь в комнату. Не провожай, дорогу найду....

Не дав возможности ответить, я направилась в дом. Даже сорвись она за мной следом с толпой охраны и Давидом во главе, никто не смог бы остановить меня от задуманного. Я должна была задать ему пару вопросов. Он задолжал мне много всего, но я ограничусь честными ответами.

Я проскочила в дом и не успела опомниться, как вбежала в гостиную. Комната была полна мужчин.

Охранники сидели на диване и в креслах. Кто-то играл в карты, кто-то в приставку. Смех и разговоры стихли на мгновение, когда их внимание привлекла я. Первое, что я почувствовала – испуг. Но когда глаза нашли ЕГО, тут же стало плевать, где я нахожусь и что происходит вокруг.

Он сидел по центру. Устало откинувшись на спинку дивана, смеялся над шуткой одного из охранников. На мгновение его взгляд задержался на мне, улыбка тут же сникла.

– Исай, мы можем поговорить?

Произнесла во весь голос. Охранники уставились на него удивленно.

Он неспешно размял шею, подавшись немного вперед.

– Нет. Тебе лучше пройти в комнату. Олег, – обратился к бодигарду. – Отведи ее.

Олег тут же вскочил с дивана, направляясь ко мне. Он схватил меня под руку, утаскивая к выходу.

– Идем.

Я не верила своим ушам, я отказывалась верить в происходящее. На половине пути я застыла, вырвав руку из хватки Олега.

– Пусти. Я должна с ним поговорить! – заявила твердо и бросилась обратно в гостиную.

Но Исае там уже не было.

– Где ваш начальник? – спросила так, словно до сих пор являюсь хозяйкой дома. Видимо, растерявшись от такой наглости, один из парней тут же выпалил.

– Он в кабинете.

Не дав им возможности прийти в себя и остановить меня, я ринулась на второй этаж. Кабинет был первой комнатой от лестницы, поэтому мне не составило труда пробраться к нему.

Забежав в комнату, я прикрыла дверь. Сердце стучало так громко, что на секунду перед глазами стемнело. А когда я обернулась, то и вовсе весь воздух покинул легкие.

Он стоял у окна. Между пальцев была зажата сигарета, которую сейчас он поднес к губам. Исай обернулся на звук. Гесс посмотрел на меня так, что я содрогнулась от холода.

– Тебе лучше уйти. Вернись в комнату, иначе у Олега будут проблемы.. – он тут же отвернулся, выдыхая дым.

Исай никогда не курил, и никогда бы не позволил себе смотреть на меня так и тем более говорить. Кто он?

Я шагнула ближе.

– Тебе не кажется, что ты должен объясниться? – прорычала сквозь зубы, но он не мог не расслышать явную дрожь в голосе.

Гесс продолжал молчать. Тогда я подошла еще ближе. Слезы подкатывали к горлу, обида и жалость к себе разрывали изнутри.

– Он забрал Даню, я была у тебя клубе, но ты отказался помочь. А сейчас ты с ним заодно? Снова тишина. И этот равнодушный взгляд ядом по венам.

Он затушил сигарету, пытаясь уйти, но я перегородила ему дорогу.

– Если все так, – проговорила сверля его взглядом. Ему пришлось остановиться. – Найди в себе смелость и скажи мне правду. Скажи мне это в лицо! – сжала кулаки, чтобы не разрываться.

Он шагнул вперед. Он стоял так близко, что я чувствовала его запах. Он заполнил легкие, заставляя ежиться от боли. Его лицо было каменной маской, не было и намека на какие-либо эмоции. Это разозлило меня.

– Я не верю тебе, слышишь?! Ты закрываешь клуб и распускаешь людей, ты продаешь дом и исчезаешь. Это ведь часть твоего плана? Не можешь говорить – не надо, просто сделай мне знак. Дай понять, что ты есть у меня, Исай...

Он склонился так, что теперь его губы были на уровне моего виска. От него веяло холодом.

– Не бери на себя больше, чем есть, Роксана. Я здесь не из-за тебя, – он оттолкнул меня, пытаясь пройти. И я не знаю, что меня больше повергло в шок. Его грубость или изрезанная красными полосами внешняя сторона ладони?

– Прекрасно, – раздался в следующий момент голос Давида за спиной. Я вздрогнула, а спустя мгновение на моем затылке оказались грубые руки Астахова. Он потянул меня за волосы.

Преисполненные яростью и презрением глаза Давида у самого лица. От него разит алко-голем.

– Так и знал, что ты не изменилась ничуть, и не сделала выводы. Хотя, чего я хочу от грязной шлюхи? – он резко толкает меня, и я падаю на пол.

Боль пронзает руку, я прижимаю ее к груди.

– Прекрати, Давид... Ты уже добился всего, что хотел, – я поднимаю на него полный мольбы взгляд. – Ты можешь издеваться надо мной так, как тебе вздумается, и никто слова против не скажет. Ты отобрал у меня все, так что тебе еще нужно?

Усмешка искажает его лицо. Он скользит беглым взглядом по Исаю, все еще стоящему неподалеку. А потом, сделав шаг, приседает рядом со мной.

– Мне нужно смирение, твоя верность. Ты должна понять, на какого мудака ты меня променяла, Роксана, – схватив меня за подбородок, заставляет посмотреть на Исаю.

Гесс абсолютно спокоен. Наблюдает за происходящим так, словно это нечто обыденное. Пальцы Астахова сжимаются на моем лице.

– Все еще теплишь надежду, что он заступится за тебя? Думаешь, что все происходящее – ошибка? Куда там... – протягивает довольно, отталкивая меня и выпрямляясь во весь рост.

– Когда-то он уже воспользовался тобой, Роксана. Желая отомстить мне, он подобрался к тебе. Ты думаешь, что-то изменилось с тех пор? И сейчас происходит то же самое. Ему нет до тебя дела, он спасает братца. Мирон самый бедовый из Гессов, верно? От него вечно куча

проблем... так вот твой любовник согласился работать на меня и отказаться от тебя лишь для того, чтобы спасти своего младшенького.

Я поднимаю на него глаза. Изнутри рвется крик, но я трамбую его, запрещая верить Астахову. Но Исай продолжает молчать, так грубо отбирая у меня остатки надежды.

На глаза набегают слезы. Нет, это ведь не так! Исай, пожалуйста, скажи, что это неправда. Скажи, что в твоём холоде и равнодушии есть еще иная причина! Пожалуйста, скажи!

Но он молчит. Смотрит на меня своими невыносимо холодными и прекрасными глазами, словно я чужая ему.

– Исай, скажи ей... она ждет, – Давид наблюдает за нами с диким упоением. Мне больно, ведь Исай позволяет ему топтать нас.

Гесс опускает голову, вздыхает, словно все что здесь происходит уже наскучило ему. Но я не дам ему выйти сухим из воды. Пусть скажет, пусть заявит мне это в лицо. Лишь тогда я позволю себе его отпустить.

– Я хочу услышать это от тебя.. – голос дрожит, я упрямо смотрю на него, хотя он расплывается.

– Ну же, Гесс... – подначивает Давид.

– Прости, Роксана. Но у меня нет другого выхода...

Всего несколько фраз уничтожили меня. Я вздрогнула, но закусив губу, лишь смиренно кивнула. Мне показалось, или его голос дрогнул в тот момент? Я смотрела в его ледяные глаза, и думала о том, что нет никакой разницы, как он это произнес. Разве имеет значение то, как долго убийца сомневался перед тем как вонзить в тебя нож?

Больно. Так будто ребра переломаны разом.

– Видишь, милая, – голос Давида, и его слова вдруг перестают иметь значение. – У тебя нет другого выбора, кроме как пытаться вымолить прощения у меня.

Его пальцы вцепляются в мои волосы, наматывая их на кулак.

– Ну, может, ты попробуешь? Может, скажешь хоть что-то?

– Делай что хочешь. Убей меня, истязай – не имеет значения то, как ты накажешь меня, Давид. Только верни мне его, верни мне сына.

Он отталкивает меня. Словно то, что я сказала, неприятно ему.

Я тянусь к Астахову, а он снова отступает, заставляя меня ползти. Я убита, выжжена, раздавлена и уничтожена. Почему ему никак не надоест играть со мной?

– Посмотри на меня!

И я выполняю приказ. Я послушная и покорная. У меня не осталось ничего, даже гордости. Теперь в его взгляде презрение, а на губах вдруг расплывается зловещая улыбка.

– А давай сделаем так, Роксана, – он достает из-за пояса пистолет. Передернув затвор, направляет его на Исая. – Что скажешь, если я убью его? Убью, и ты тут же получишь Даню.

Я испугано перевожу взгляд на Гесса. Он смотрит на Давида так, словно не Астахов, а Исай угрожает тому оружием. Знаю, что Гесс отказался от меня, но несмотря на это, моя душа стонет и кричит от боли при мысли, что Давид его убьет.

Я срываюсь вперед, хватаясь за его брюки. Я смотрю на него так, словно он мое божество. Словно нет ничего вокруг, кроме него.

– Нет!! Накажи меня, он тут не при чем! Это лишь между мной и тобой Давид!

Я захлебываюсь от слез, кажется, будто и не дышу больше. Черные глаза Астахова вспыхивают яростью, а с губ срывается смех.

– Исай, она готова собой пожертвовать ради тебя, а ты наплевал на нее.

Он отталкивает меня ногой и срывается к Гессу. Бьет его рукоятью пистолета в висок. Он делает это, лишь потому что Гесс позволяет! Видеть его таким так омерзительно горько, что хочется сдохнуть.

Встряхнув головой, Гесс выпрямляется. Стирает со скулы выступившую кровь, но ничего не говорит. Астахов, кажется, ничуть не успокаивается, а наоборот. Безоговорочное послушание Исая злит его еще сильнее.

– Она предала меня ради тебя, уroda! – кричит, что есть сил. – И продолжает заступаться, даже когда ты отказался от нее!

Снова удар. На этот раз Исай отклоняется, и кулак Давида проходит по касательной. В третий раз, Исай ловит его запястье. Скулы напряженные, взгляд чернее ночи.

– Продолжишь это делать, сделке конец, Давид, – не голос, а рык. Теперь я узнаю в нем прежнего Исая. Только это не имеет для меня никакого значения.

Давид словно приходит в себя. Оттолкнув Гесса, отходит на пару шагов.

– Ладно-ладно, – усмешка рвется с губ, он задумчиво трет затылок. – Не мог удержаться.

На этих словах Давид покидает комнату, а мы остаемся одни. Я, все еще на полу, мои плечи трясутся от плача. Мое лицо искажено от боли и отчаяния, но разве можно сохранить правильный облик, когда ты выжжен горем изнутри?

Он стоит надо мной. Секунды тянутся невероятно долго. И наивная, глупая часть меня, все еще верит, что он подойдет. Все еще ждет его сильных и крепких рук, все еще надеется на его защиту. Но он топчет безжалостно эти жалкие крохи надежды, и, ни слова не говоря, уходит за дверь.

Глава 3. Приходи в себя

– Ты уверена, что хочешь это делать? – Марго посмотрела на меня с толикой насмешки. Мне было плевать, что она думает. Я потянулась к пакету с рассадой и внимательно рассмотрела покупки. Цветы были именно такими, как я и хотела.

– Мне все равно больше нечего делать. К работе по дому вы меня не привлекаете, а сидеть в четырех стенах уже которую неделю – можно окончательно свихнуться.

Всем, в общем-то, было на меня плевать. И если я не пытаюсь сбежать и не злю Давида, то и дела им нет, чем я занимаюсь. Равнодушно пожав плечами, Марго отправилась на задний двор.

Последние три дня прошли в слезах и депрессии. И чем больше я проводила времени в закрытой комнате, тем хуже мне становилось. В какой-то момент я вдруг поняла, что я дошла до грани.

Порой, чтобы тучи немного рассеялись, и была возможность осмотреться вокруг ясным взором, нужно немного времени. Сложно ждать, особенно когда сердце рвется на куски. И сейчас, я просто пыталась выжить. Все эти дни я действовала неразумно, бросаясь из стороны в сторону. Теперь я решила дать себе возможность выдохнуть.

Еще вчера я не могла даже оторвать голову от подушки, сил не было ни на что. Но сегодня, я решила, что должна успокоиться и постараться переждать.

Заручившись поддержкой Олега, я получила разрешение от Астахова работать во дворе. Давиду было плевать, чем я занимаю себя, да и последние несколько дней его не было дома.

После того разговора в кабинете, когда я узнала об истинных мотивах нахождения здесь Гесса, у меня внутри будто все умерло. Я ходила, дышала, я собиралась и дальше бороться за сына, но все чувства были притупленными, словно часть меня больше не функционировала.

Что касалось Гесса, я больше его не видела. Да и это к лучшему. Смотреть на прекрасное лицо предателя даже для сломанной меня было все еще слишком больно.

Работа с землей и растениям успокаивала. Сумбурные, тревожные мысли словно замедляли свой ход, а после и вовсе отпускали. И в какой-то момент я подумала о том, что мне стало легче. Не было того жжения в груди, да и дышать стало свободней.

– Доброе утро, ты сегодня не завтракала, а уже вся в работе, – рядом со мной вдруг возникла пара начищенных до блеска туфель. Я подняла голову, закрывая глаза ладонью от слепящих лучей солнца.

Олег улыбнулся, и присел рядом со мной на корточки.

– Я хотя бы то выбрал? Честно говоря, впервые покупал растения...

Я улыбнулась в ответ, осторожно поливая только что посаженный куст роз.

В этот момент автоматические ворота стали подниматься и во двор въехало авто. С пассажирской стороны вышел Давид, а из водительской дверцы показался Исай.

Внутри все затрепетало, когда Гесс, обернувшись, скользнул по мне взглядом. Но в следующую секунду волнующая дрожь сменилась сковывающим ощущением холода. В его глазах было полное равнодушие. Быстро отвернувшись, он прошел следом за Астаховым.

Посмотрела на свои ладони – они дрожали. Всего один взгляд на него – спокойствия как не бывало.

– Я смотрю, они теперь так сильно доверяют друг другу... – сорвалось едкое с губ. Почувствовала на себе внимательный взгляд Олега.

– Босс теперь под очень влиятельными людьми. Они и вытащили его из тюрьмы, для одного важного дела. А Исай руководит этим делом, поэтому они вынуждены так много времени проводить вместе.

Я внимательно посмотрела на Олега. Влиятельные люди, способные обелить запятнавшего себя человека в столь тяжких преступлениях, должны иметь практически безграничную власть. При мысли об этом, меня бросило в дрожь.

И почему он заставляет Исая участвовать в этом деле? Зная Астахова, могу с уверенностью сказать, что и здесь он будет действовать чужими руками. Во что встрял Гесс ради Мирона? А, впрочем – плевать, это ведь теперь не мое дело.

– Я рад, что вы пришли в себя. Не нужно опускать руки, уверен, что все наладится.

Я улыбнулась ему в ответ. Он единственный в этом доме, кто проявлял ко мне доброту.

У Олега вдруг зазвонил телефон. Посмотрев на экран, парень озадаченно нахмурился.

– Да, – приняв вызов, он осмотрелся по сторонам. – Да, конечно, сейчас.

Охранник бросил на меня встревоженный взгляд.

– Роксан, шеф зовет тебя к столу.

Я подняла взгляд в сторону беседки. За накрытым столом сидел Астахов. Он неспешно ел, изучая свежую прессу.

Стало не по себе. Любое взаимодействие с Давидом приводит меня в состояние полного краха. Но деваться было некуда, и, не желая тревожить Олега, я улыбнулась в ответ.

– Хорошо, – скинув перчатки и, наспех вымыв руки под поливочным шлангом, я поставилась мысленно приготовиться к разговору. Только как бы я ни старалась, с каждым шагом, приближающим меня к нему, я дрожала все больше.

На негнущихся от волнения ногах, я подошла к столу. Он знал, что я рядом, и, не отрывая взгляда от газеты, сделал знак рукой, присаживаться.

Минуты ожидания в полной тишине были невыносимы. Я вся превратилась в оголенный нерв, и когда вдруг раздался его голос, я вздрогнула.

– Говорят, ты совсем не ешь. Истязает себя назло мне?

Я ничего не ответила. Только глаза мои никак не могли перестать его ненавидеть. Встряхнув газету и сложив ее, он убрал ее в сторону, а потом вернул ко мне взгляд. Сейчас его глаза не выражали ничего кроме усталости. И этот факт немного успокоил.

– Только не говори, что тебе есть дело до моего состояния.

Он смотрит так долго, что кожу начинает покалывать иголками.

– Давно уже позади те времена, когда мне было дело до твоего настроения, – произносит задумчиво, и, смахнув с губ крошки, отбрасывает салфетку на стол.

Не могу так долго глаза в глаза с ним. Слишком много ярости во мне. Отвернувшись, замечаю Исая, стоящего у крыльца. Сердце, с тяжестью делает удар, гоня вдруг ставшую загустевшей кровь. На Гесса мне смотреть еще больней.

Лишь когда отвожу взгляд, обдумываю то, что увидела. Он был в компании Марго. Девушка что-то рассказывала ему, хихикая. Оба курили. Взгляд Гесса был прикован к нам. Я разозлилась, сама не понимая, от чего.

Давид, увлеченный экраном своего телефона, словно не заметил ничего.

– Ты знаешь, – проговорил негромко, возвращая ко мне внимание.

Астахов выглядел каким-то потерянным и странным. Сейчас в нем не было уже привычной ярости и ненависти.

– А я ведь и не надеялся, что удастся выбраться из тюрьмы. Я уже смирился с тем, что моей жизни конец... – уголки его губ опустились, придавая лицу несчастный вид.

– Я даже с твоим предательством смирился. Но, когда ко мне пришли и предложили работать на них взамен на свободу, первое, о чем я подумал – это была ты.

Он подвинулся ближе, его лицо замерло в нескольких сантиметрах от моего. Пальцы Астахова нагло запутались в моих волосах.

– Я думал о том, как я отберу тебя у него, как ты будешь смотреть на меня испуганными, полными чувства вины глазами.

Он отстраняется, но лишь для того, чтобы поменять положение и придвинуться ближе. Его хватка на моем подбородке ощущается все также неприятно. И мне приходится приложить все силы, чтобы не подать вида, насколько он мне ненавистен.

– Сейчас у меня есть все то, чего так хотел. Так почему мне ничуть не легче? – черные как ночь глаза жадно, но с тоской скользят по чертам моего лица.

– Почему такая как ты продолжает иметь для меня значение?

Он не ждет ответа на этот вопрос, а я не спешу отвечать. Но на какой-то момент мне начинает казаться, что в больной голове Астахова есть еще толика разумного.

– Как Даня? – срывается с губ то, что я так упорно держала в себе все это время.

Он вздрагивает от моего вопроса, словно от порыва холодного ветра. Глаза приобретают свойственный ему оттенок злости.

– Когда я освобожусь от важных дел, я займусь нами, Роксана. И пусть ты никогда меня не любила, все равно будешь со мной...

С губ рвется смешок.

– Как ты себе это представлял? Ты на самом деле считаешь, что вернешь меня, отобрав ребенка и сделав начальником охраны Гесса? Разве это может иметь смысл?

– С ребенком все хорошо. Считай, это временной размолвкой. А Гесс... – он посмотрел в сторону дома. – Гесс никогда не был проблемой. Его дни сочтены, и тебе лучше не строить на него планы.

– Ты убьешь его?

Он улыбнулся, в уголках глаз залегли морщинки.

– Не обязательно я, кто-нибудь определенно сделает это за меня, – Давид говорит это тихим, едва различимым голосом, словно это его главная тайна, которой он только что поделился со мной.

Я не знаю, что именно в нем изменилась, и почему он вдруг перестал сыпать ругательствами и пытаться уничтожить меня. Но Давид сейчас выглядит потерянным. Психованный маньяк и садист вдруг превратился в гонимого тоской мужчину. Если бы не все происходящее здесь, я бы даже решила, что у него есть сердце.

– Меня интересует только мой сын, – при мысли о Дани, на глаза набегают слезы. Астахов хмурится недовольно и тянется рукой, стирая влажную дорожку с лица. Мои губы начинают дрожать, но не от слез, а от того, что мне противны его касания.

– Ты обязательно увидишься с ним, но для начала мне нужно решить один вопрос. Когда будет безопасно, я верну тебе Даню.

Это впервые когда я смотрю в его глаза открыто, не стараясь отвести их или спрятать. Я хочу поверить ему, ведь так мне будет проще. Его ладонь касается моего запястья, он водит по нему так, словно я все еще имею значение. А потом... он тянется ближе к лицу, и я понимаю, что пойду даже на это, только бы он отдал сына.

– Давид! – раздается за спиной голос Смирновой. Астахов хмурится, неспешно отстраняясь от меня.

– Доброе утро, а я и не знала, что ты здесь.

Ее ладони опускаются на мужские плечи, она наклоняется и целует его в скулу. А он все также не сводит с меня глаз.

– У меня сегодня много дел. Тебе будет лучше остаться у себя. Я вернусь завтра, скажу парням, они заберут тебя.

Не удержав любопытства, я оборачиваюсь, в сторону крыльца, где стоял Гесс. Но его нигде нет.

Давид поднимается из-за стола и, бросив на стул салфетку, уходит в сторону гаража. Я остаюсь сидеть неподвижно, сверля внимательным взглядом тарелку еды. В желудке жалобно

урчит, и я думаю, что последний мой прием пищи был вчерашним утром. И сейчас от резкого приступа голода мой желудок стягивает жутким спазмом.

Я думаю о том, чтобы взять с тарелки аппетитный кусок омлета, но мое запястье перехватывает любовница Давида.

– После всего, что ты сделала, он продолжает тебя любить, – ее ногти впиваются в кожу. Я пытаюсь освободиться из ее хватки, вырываю руку, отсаживаясь немного в сторону.

Глаза Смирновой полыхают яростью. Ее лицо перекошено.

– Сколько б я для него ни делала, сколько бы ни старалась, он никогда не посмотрит на меня так, как смотрит на тебя...

Теперь она вся как на ладони. Неуверенная в себе, завистливая и ненавистная. Улыбнувшись, я выдерживаю ее взгляд.

– Может, просто не стоило лезть в чужую семью?

Ответ следует незамедлительно. Схватив нож со стола, она резко подается вперед, утыкая им мне в грудь. И без того грубые черты лица искажает гримаса злости.

– А может, я просто убью тебя? А? Тогда решаться все мои проблемы...

– Убить человека не так просто, как ты думаешь. И точно не десертным ножом, – я опустила взгляд на столовый прибор, который сжимали ее пальцы. Она толкнула в меня его сильнее, грудную клетку обожгла острая боль.

Я хотела вывести ее из себя, заставить сделать что-то недопустимое по отношению ко мне. Сегодня я поняла, что могу манипулировать Астаховым. Он чокнутый психопат, и его настроение меняется как день и ночь, но сегодня он не расположен к Смирновой, и я могла воспользоваться этим моментом. Могла бы... Но мне не дали.

Смуглая рука с татуировками на фалангах пальцев сомкнулась на том самом ноже, отталкивая вместе с ним Смирнову. Спустя мгновение нож упал на землю. Женя перевела на Исаю растерянный взгляд. Глаза Гесса были также прикованы к ней.

– Что ты себе позволяешь?! Я .. я расскажу Давиду! – она была в ярости. Все ее тело превратилось в наряженный комок нервов.

– Тогда расскажи, что я не дал ее зарезать.

Смирнова бросила на меня яростный взгляд. Она понимала, что пока не обладает достаточными возможностями, чтобы справиться со мной. Теперь ее внимание привлек Исай.

– Ты знаком с ней, ведь так?

Исай молчал, сохраняя абсолютно спокойный вид. Тогда Смирнова повторила вопрос, сопроводив его новой порцией угроз.

– Когда-то был. Но это не имеет значения. Давид просил отвезти вас на работу. Я буду ждать в машине, – даже не обернувшись, он направился в сторону гаража.

Я смотрела ему в след и понимала, что даже ненавидеть его больно. Само присутствие Гесса поблизости заставляло сердце сжиматься. То, что он сделал сейчас, было похоже на жалкое подаяние. Исай выбрал брата, дав Давиду уничтожить меня. И сейчас, в его попытке защитить меня от Смирновой не было никакого смысла.

Глава 4. Запертая

– Ты есть то будешь? Или снова все в мусорку выбрасывать?

Марго с недовольным видом поставила поднос на стол. Давида не было, и вся обслуга чувствовала себя фривольно. Девушке очень хотелось отправиться к бассейну, или зависнуть на заднем дворе с подружками, но приходилось возиться со мной. Перед тем как уехать, Астахов дал им четкие указания – я не должна была голодать и сидеть одна. Не знаю, какая муха его укусила, но сейчас он дал слабину, и я с радостью собиралась воспользоваться ей.

Я поднялась с кровати и посмотрела в окно. Во дворе было непривычно пусто. Марго следила за мной пристальным взглядом.

– В доме никого, можешь выйти в кухню и поесть... – проговорила девушка. Я удивленно обернулась.

– Ну мало ли, может ты устала тут сидеть. Заодно поможешь по кухне, ты же вроде хотела заняться чем-нибудь.

Марго далеко не дурочка, да и добротой никогда не отличалась. Я не верила в ее щедрость, но, с другой стороны, я ничего не потеряю, если соглашусь.

– Хорошо, я сейчас приду... – кивнула. – Но в доме точно никого нет? Жени тоже?

Брюнетка бросила на меня настороженный взгляд. Кажется, проявленная ей доброта показалась лишней. Я читала в ее глазах сомнение.

– Я про то, чтобы у тебя не было проблем, – улыбнулась неловко, понимая, что возможность покинуть комнату ускользает с каждой секундой.

Девушка выдохнула в облегчении.

– Ни Жени нет, ни охраны. С нами несколько человек... – она осеклась, понимая, что сболтнула лишнее.

– Не переживай, убежать не стану, – приблизившись к столу, взяла поднос и направилась к двери.

Марго открыла замок и прошла следом за мной в кухню.

Стараясь воспользоваться ситуацией, я внимательно осматривалась по сторонам. Искала взглядом телефон или какое-нибудь средство связи. С момента похищения Дани я не общалась с мамой. Уверенна, она места себе не находит, и мне хотелось поговорить с ней хотя бы несколько минут. Но ничего вокруг не было. Ни домашнего телефона, всегда расположенного на стене коридора, ни мобильных, которые мы оставляли в специальной подставке на входе в кухню.

Марго тут же принялась за готовку, а я устроилась за обеденным столом. Свежий воздух из распахнутого окна проникал в легкие, даря призрачное ощущение свободы.

Внезапно раздавшийся грохот заставил вздрогнуть. Марго стояла рядом с разбившейся банкой томата, а на сковородке в это время во всю что-то шкварчало.

– Черт! – проговорила сквозь зубы. – Роксан, ты не могла бы сходить в погреб и принести банку томата?

Я опустила взгляд на уже ставшее холодным мясо в своей тарелке и с грустью вздохнула. Я практически ничего не съела, мой желудок сводило от голода. Но отказать ей, значит лишит себя лишних ушей и связей.

– Хорошо, я схожу.

В любом случае, пройтись по дому без конвоиров в полном одиночестве было приятно. Неспешно спустившись по лестнице в подвал, я прошла в кладовку. В комнате было темно, поэтому открыв дверь, я скользнула внутрь практически на ощупь. Нога тут же погрузилась в воду. В следующее мгновение раздался громкий стук, и меня что-то больно толкнуло в плечо – дверь захлопнулась, а следом я услышала, как в замке проворачиваются ключи.

Резко обернувшись, я попыталась найти дверь. Едва не упав, схватилась за ее ручку, но, дернув, с ужасом осознала, что меня заперли.

– Откройте! Откройте! – я стала стучать, что есть сил, но, сколько бы я не кричала, как сильно бы не задыхалась от страха, ответом мне была полнейшая тишина.

– Черт! – засмеялась горько, обессилено сползла на пол по стене. Вокруг меня была вода. Она была достаточно холодной, и покрывала мои ноги до линии бедер. Тело пробило ознобом. Темнота давила так, что казалось, будто стены стали сужаться. Устало прикрыв ладонями лицо, я застонала в голос.

Кто запер меня здесь? Марго? Это был специально разыгранный ей спектакль? Но, зачем ей это? Давид явно дал понять, что собирается сбегать за мной, неужели она не понимает, к чему все ведет?

Я повернула голову – со стороны противоположной стены слышался какой-то звук. Словно вода стекала по стенам. Скорее всего, снова прорвало трубы и теперь комната наполнялась ей каждую минуту. Уже через несколько часов подвал затопит, и я могу утонуть.

Меня накрыло паникой. Тьма перед глазами сгущалась, затягиваясь тугой петлей на шее. Я находилась глубоко под землей, в комнате с такой шумоизоляцией, что даже если буду кричать во всю мощь, никто не услышит меня. С каждым вдохом воздуха в легких становилось все меньше, страх проникал в каждый орган, парализуя.

Я не знаю, сколько провела времени в этом ужасном месте. Я звала на помощь, молотила руками о дверь до тех пор, пока ребра ладоней не начинали неметь от боли. Я задыхалась от страха, тело сотрясалось от неконтролируемой дрожи. Конечности занемели от холода, мне казалось, что мое сердце готово остановиться в любой момент. И когда вода достигла отметки моего пояса, я вдруг поняла, что это конец – сил практически не осталось.

Сознание словно маячивший передо мной мячик. Я тянулась к нему изо всех сил, но оно ускользало с каждым вдохом. И когда я попыталась поднять руку и постучать еще раз, не смогла пошевелить и пальцем.

Неужели это конец? Вот так ужасно закончить свою жизнь? В темном помещении подвала, затопленном водой? Что будет с моим сыном? Неужели я больше не увижу его? Неужели Исаю Гессу на самом деле больше нет до меня никакого дела?

Я не знаю ответов на эти вопросы, но когда мой организм сдался, и я соскочила вниз, со ступенек, и практически полностью погрузилась в воду, дверь вдруг открылась, и потоком воды меня потянуло куда-то в сторону. Я видела свет перед глазами, видела каких-то людей. Никого определенного – просто черные фигуры, заполняющие собой комнату. И когда чьи-то горячие руки подняли меня из воды, и моя скула прислонилась к твердой груди, где так гулко и так знакомо билось сердце, я почувствовала облегчение. Я не могла открыть глаз, я не знала, видеться мне это в забытьи, или является реальностью, но мое до сих пор напряженное тело словно почувствовав, что опасность миновала, вдруг расслабилось.

Я слышала чьи-то голоса. Чувствовала, как меня несут вверх по лестнице. Кто-то ругался, кто-то испуганно восклицал. Глубокий мужской голос, исходящий из груди моего спасителя раздавал короткие приказы.

На мгновение, я смогла распахнуть глаза. Первое что я увидела – широкая шея, и аккуратный кадык, смуглая кожа так любимая мной. Я слушала его голос, чувствовала его руки на себе и позволяла моменту длиться вечно. Это было то место, где мое сердце не хотело плакать. Но разве это могло быть правдой? Наверняка, все происходящее – лишь плод моего воображения.

Исай никак не мог спасти меня, и он не стал бы брать меня на руки и так бережно куда-то нести. Мой Исай давно отказался от меня. Внезапно он остановился.

– Ты нашел ее?! – раздался поблизости встревоженный голос Астахова. От его звучания мне становится холодно, и я подсознательно жмусь к твердой горячей груди, где мне так тепло и хорошо.

Почему они хотят забрать то единственное тепло, что я получаю!?! Я боюсь, что нас снова разлучат. Я боюсь, что сон кончится, и я снова окажусь одна.

– Она была заперта в подвале, кто-то устроил потоп. Она без сознания, нужен врач, – голос так похожий на голос Гесса звучит настолько напряженно, что становится страшно. Он, словно хищник, почуявший опасность, замирает настороженно, в ожидании атаки.

– Дай ее сюда, – я вздрагиваю, когда меня касаются чужие руки. Тело прошибает дрожью, я изо всех сил жмусь к нему, к горячему огромному и сильному.

– Я отнесу ее наверх, найди врача, – он и не думает отступать, его руки смыкаются еще крепче, и я выдыхаю в облегчении. Мне вдруг кажется, что еще не все потеряно, что он не отдаст меня.

– Я сам разберусь.

Он злится. Я чувствую его ярость, и внутренний рык – «Мое». По сжатым пальцам на моих бедрах, по каменно напряженным мышцам его тела. Он готов броситься на всех, кто посмеет меня тронуть.

– Не забывайся, Гесс. Это моя женщина.

Нет-нет! Не отпускай! Не отдавай меня ему! Хотя бы во сне ты можешь остаться со мной? Ты можешь быть верным?

Но уже спустя мгновение, меня подбрасывает в воздухе, и я оказываюсь прижатой к чужой груди, запах которой заставляет меня цепенеть от холода.

– Я вызову врача, а ты выясни, кто запер ее там. Времени до вечера. Если не найдешь, пожалеешь, Гесс.

Глава 5. Злость ей к лицу

Его голос, звучащий над головой раздражал так сильно, что не хотелось просыпаться. Его пальцы постоянно касались меня, словно он имеет на это право. Он делал все в привычной ему навязчиво командирской манере. Ему казалось, будто он помогает мне, но даже малейший контакт с его телом был для меня отравой.

Я не знаю, сколько пролежала без сознания. День и ночь слились воедино, переплетаясь между собой и образуя глубокую темноту, из которой я никак не могла выбраться. Я не чувствовала ничего кроме колючих иголок, кусающих мои вены. Чужие грубые руки держали меня, пока другие оплетали мои предплечья трубками капельниц.

Забвенье, огонь, полыхающий в каждом нерве – если и есть ад, то я посетила его.

Мне снился сын, зовущий меня на помощь. Он так сильно плакал, а я ничего не могла сделать. Я бежала к нему, но каждый раз он ускользал, и происходило что-то страшное. И когда у меня больше не осталось сил терять его опять и опять, я так громко закричала... и распахнула глаза.

– Эй, все хорошо, – раздался над головой голос.

Сердце выпрыгивало из груди. Я резко села на кровати, в руке отдало болью. Вид иглы в моей вене ввел меня в смятение.

– Осторожно, – на кровать рядом с изголовьем опустился Давид.

Его помятый вид и темные круги под глазами говорили о том, что все это время он не отходил от меня. Я попыталась воскресить в памяти последние события, но воспоминания обрывочными картинками играли в голове, отказываясь складываться в цельную картину. Помню, как спускалась в подвал, как за мной захлопнулась дверь и я оказалась в полнейшей темноте. Мне было страшно и холодно, а потом он нашел меня.

Я резко обернулась к Давиду.

– Что? – вздернул бровью удивленно.

– Как Исай нашел меня? – выпалила, и тут же осеклась.

Лицо Давида мгновенно приобрело каменное выражение.

– Почему ты решила, что этому идиоту есть до тебя дело? Он выполнял мой приказ... – он подвинулся ближе, его ладонь скользнула по моей шее, отодвигая в сторону волосы. Я видела, как в уставших глазах Астахова загорается ярость.

– А я так переживал... Думал, ты наконец поумнела, сделала выводы... Я даже хотел простить тебя... и дать увидеться с сыном...

Голос Астахова был пропитан презрением, словно и не он все это время заботился обо мне, цербером охраняя мою комнату от посторонних.

Тело пробил озноб. Я вдруг поняла, какую ошибку допустила.

– Нет, Давид... я не то имела ввиду, слышишь?

Его пальцы сильнее сжались на шее, глухая боль пронзила тело. В ртутных глазах мелькнул зловещий огонек.

– Я так переживал, сидел тут всю ночь, а ты как была шлюхой так и осталась... Переживаешь о нем? Ну?

Все еще удерживая меня за шею, он резко встал с кровати. Мои ноги были настолько слабыми, и чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за рукава его одежды.

– Давай! Иди посмотри в окно! Всю ночь топчется на одном месте, думает, я не понимаю, почему. Ждет, когда ты в себя придешь! Переживает за тебя, а ты за него.

Он с силой толкнул меня в подоконник. Острая боль пронзила бедро.

– Нет, я не пойду. Не пойду, – отрицательно покачала головой, бросилась к нему, он отшвырнул меня.

– Давай, и я разом завалю вас! Две неблагодарные свиньи!– он присаживается рядом со мной, наставляя пистолет мне в лоб. – А когда Даня спросит, как умерла его мама, я ему скажу, что мама была шлюхой и выбрала трахаря, а не его отца.

Слезы заполонили глаза, я покачала головой.

– Нет, пожалуйста, Давид, не делай этого. Ты не так все понял, мне нет до него никого дела! Я хочу быть с сыном, и все. Меня кто-то запер там, я едва не утонула...

Давид скривился, и, словно осознав, что не сможет сейчас воплотить желаемое в жизнь, убрал пистолет за пояс.

– Иногда я думаю, что лучше тебя убить, и тогда отпустит... – проговорил, устало глядя на меня. – В тот момент, когда я решусь, я наконец-то вздохну свободно.

Я боялась произнести хотя бы слово. Обняв себя за ноги, с дрожащим от слез подбородком, я смотрела на него снизу вверх.

Астахов поднялся и вышел за дверь. Я услышала, как щелкнул замок и лишь тогда ощущение спало.

Кое-как поднялась с пола и добралась до окна. Меня трясло, голова кружилась. Я осторожно прислонилась лбом к стеклу, и выглянула во двор. Он стоял под окном. С зажатой между пальцев сигаретой, то и дело подносящий ее к губам. Словно почувствовав мой взгляд, он резко поднял голову и посмотрел прямо на меня.

По щекам потекли слезы. Я стояла и задыхалась от страха и боли. Мои губы беззвучно шептали: «Уходи! Прочь, Гесс! Прочь из моей жизни». Даже предав, ты не становишься мне чужим! Даже по тебе такому продолжает тосковать мое сердце.

Я помнила его руки, я знала, что именно он спас меня. И в том, как сильно он не хотел отдавать меня Давиду, было спрятано столько боли! Но эта боль злила меня, ведь после всего того, что он сделал, Исая не имел на нее никакого права.

Я видела как он замер. По светлой глади его глаз словно прошла рябь, но лицо осталось безэмоциональным. Не знаю, сколько бы продлился наш немой диалог, но Гесс вдруг резко опустил голову, и сорвался с места. А я устало прикрыла в попытке переждать резкий приступ тошноты.

Весь день льет дождь. Хмурое небо, налитое свинцовой тяжестью словно разделяет мою боль. Удивительно, но сейчас я чувствовала себя немного лучше, несмотря на слабость.

Я никогда не отличалась крепким здоровьем, и перенесенное переохлаждение в подвале не могло не дать своего эффекта. Голова немного кружилась, и мне пришлось облокотиться ей о крепкое плечо Олега, чтобы не свалиться. Парень сделал вид, словно не заметил моего движения, по всей видимости, не желая меня смущать.

– Шеф злится, срывается на Исае. Вы ничего не едите, вам с каждым днем становится все хуже, Роксан, – светлые глаза охранника таили в себе столько тревог, что на минуту мне стало совестно.

Подумать только, бедолага Гесс получает из-за меня тумаки. Вот уж, не увидишь – не поверишь. Я чувствовала себя такой разбитой, что думать об Исае не было никаких сил.

– Что со мной будет? – посмотрела на него с волнением. – Я ведь не сбегу, и руки на себя наложить не смогу. Что мне делать, Олег?

Он смотрел на меня, сохраняя молчание. Да мне и не нужны были его ответы, я и так все знала. Этот вопрос был скорее как выплеск отчаяния, не иначе.

– Наберитесь терпения, все обязательно наладится... – почувствовав неловкость, он поднялся и протянул мне руку.

– Пойдемте, нужно возвращаться в комнату. Ветер усиливается, скоро будет дождь. Промокать вам уж точно не следует.

Я вложила свою ладонь в его и поднялась на ноги. Голова кружилась, каждый шаг давался с трудом.

У дверей дома крутились рабочие с оборудованием для откачки воды – работы в подвале все еще продолжались. Меня бросило в озноб от воспоминаний вчерашнего дня. Олег остановился.

– Вы в порядке?

Я перевела на него взгляд. Концентрироваться на чем-то одном было все сложнее, голова была онемевшей.

– Вы узнали, кто меня запер? Это была Марго?

Со вчерашнего дня я не видела кухарку, да и думать кроме как на нее, мне не на кого. Несколько секунд он помолчал, словно тщательно обдумывал ответ.

– Не переживайте, с сегодняшнего дня вы под полной охраной. Кто бы это ни был, лучше ему потеряться.

Значит, не нашли виновника. Даже если это была Марго, вряд ли она действовала сама. Обернувшись, я сделала шаг в сторону дома, но вдруг в глазах стало темнеть. В испуге, схватилась за руку Олега за мгновение до того, как мои ноги подкосились, а меня окончательно погрузило в полную темноту.

Голова так сильно кружится, что я боюсь открыть глаза. В нос ударяет едкий запах аммиака, я резко машу рукой, пытаюсь прогнать его.

– Пожалуйста, уберите, – срывается хриплое с губ, когда уже нет мочи терпеть. Сильные, но нежные пальцы смыкаются на моем затылке, немного поднимая мою голову. Стоит мне распахнуть глаза, два синих бездонных омуты впадают в меня насупленным взглядом. На их глубине плещется страх – его так много, что мне становится не по себе.

– Ты как? – Гесс шепчет напугано, все еще удерживая меня в руках.

– Мы просто дышали свежим воздухом, а потом она упала. Клянусь, я ничего не... – голос Олега такой напуганный, что мне становится его жаль. Хочется во что бы то ни стало встать на его защиту, но пока я не в силах даже встать на ноги, не говоря уже о другом.

– Какого черта ты повел ее на улицу? Разве не знал, что у нее ночью была температура? – рычание Исая вибрацией по телу.

Дрожь и волнение уходят, освобождая место для вспыхнувшей ярости.

– Убери от меня руки! – резко подавшись вперед, отсаживаюсь от Гесса. Олег стоит рядом, в устремленном на нас взгляде затаилась тревога.

Исай неподвижен, я чувствую его злость, но мне плевать, что он думает.

– Олег не при чем. Я просто упала в обморок.

– Подобного бы не случилось, если бы он не повел тебя во двор, – прорычал, не собираясь мириться с моим негодованием.

Я резко повернулась к Гессу. Его лицо оказалось слишком близко, дыхание сбилось. Прикрыв на мгновение глаза, постаралась справиться с волнением.

– Если бы ты выполнял свою работу, как начальник охраны, подобного не случилось бы со мной.

Мои слова заделали его. Словно пораженный молнией, в одно мгновение Гесс превратился в камень. В глазах полыхало пламя. Ничего не ответив, он резко поднялся с дивана.

– Отведи ее наверх и запри. Больше никаких прогулок.

Как только Гесс покинул комнату, я поспешила облокотиться о спинку дивана. Мои силы иссякли, голова стала тяжелой, казалось, если еще хотя бы несколько секунд просижу в таком положении, снова лишусь чувств.

– Роксан, вам плохо? Может вызвать врача?

Я перевела взгляд на Олега. Он был блее мела.

– Просто помоги мне вернуться в комнату, – улыбнувшись, я протянула ему руку. Она так сильно дрожала, что не могло остаться незамеченным. Нахмурившись, Олег подошел ко мне и, осторожно взяв на руки, понес по лестнице вверх.

– Все в порядке? – он кладет меня на постель, и протягивает бокал воды. Я делаю несколько глотков, чувствуя небольшое облегчение.

– Какая радость, в последние дни меня постоянно носят на руках, – засмеялась, поставившись хоть на толику снять напряжение.

Олег нервно улыбнулся, но тут же сник. Я видела по его глазам, что абсолютно все происходящее здесь ему не по духу. Но и уйти от Давида он не мог. У парня больная мама, и на поддержание ее здоровья ему постоянно требуются деньги.

– Я могу просто так носить вас на руках, вы, главное, кушайте и больше не падайте в обморок.

Слова мальчишки так поразили меня, что я не сразу нашлась с ответом. А когда хотела поблагодарить его, меня перебил внезапный шум, доносившийся со стороны двора. Мы словно по команде обернулись.

– Не обращайтесь внимания, это... – парень замялся, а я тут же поняла, о ком он говорит.

– Смирнова здесь?

Олег нервно поджал губы и кивнул.

– Шеф велел ей оставаться у себя дома, но она снова приехала. Парни пытались ее остановить – вечером вернется Давид, и тогда всем не поздоровится, за то, что ослушались его приказа. Но Женя заявила, будто Гесс ее позвал.

От удивления, я забыла, как дышать.

– Исай позвал Смирнову?

Парень кивнул.

– В любом случае, к вам она не подойдет, не переживайте.

Приблизившись к окну, я увидела, как к бассейну подошел Гесс со Смирновой. Они о чем-то говорили, находясь друг от друга на минимальном расстоянии. Я не видела его лица, но ее я могла рассмотреть детально. Женя улыбалась, глядя восхищенным взглядом на Исая.

Ненавижу... каждой клеточкой своего тела, каждым сантиметром израненного сердца. Прикрываю глаза, желая скорее прекратить эту пытку.

– Олег, я хочу немного поспать. Ты можешь оставить меня одну?

Он переводит тоскливый взгляд на еду, что принес с собой.

– А что делать с этим? – когда он возвращает ко мне внимание, на его лице вся скорбь мира.

– Роксан, пожалуйста, съешьте хотя бы что-то. Если я вынесу нетронутую еду, Гесс мне устроит проблемы.

Подобного я допустить не могу. Молча подойдя к столу, забираю тарелку. Выбросив все ее содержимое в мусорное ведро под раковиной в ванной комнате, возвращаюсь обратно.

– Было очень вкусно, скажи, что я объелась и тут же уснула.

Он опускает настороженный взгляд на пустую тарелку, зажатую в руке.

– Это неправильно.

– Вечером обещаю съесть все, что принесешь. А сейчас мне нужно отдохнуть.

Я буквально выпихиваю его из комнаты. Он закрывает дверь, а я ложусь в кровать. Накрывшись с головой одеялом, я пытаюсь гнать прочь все, что терзает мне душу. С каждым днем все становится только хуже, с каждым днем моя ненависть к нему растет. Я уверена, рано или поздно, я научусь его ненавидеть. Ненавидеть так, что мне больше не будет больно знать о его новом вранье и предательстве.

Я успеваю погрузиться в сон, но меня будит резкий грохот со стороны двери. Подскочив на постели, судорожно осматриваюсь по сторонам. В этот момент дверь открывается, и в комнату влетает разъяренный Гесс.

Ни слова не проронив, он стремительно приближается ко мне, и, схватив за руку, тянет с кровати.

– Отпусти! Что ты делаешь?! – я бью его по ладони, пытаюсь ослабить хватку, но его пальцы вцепились в мою кожу слишком крепко. Резко обернувшись, Гесс смотрит на меня так, словно я последний человек с кем бы он хотел иметь дело.

– Я делаю то, что давно уже нужно было. И лучше тебе выполнять то, что я говорю.

Он продолжает тащить меня к выходу. Я упираюсь ногами в пол.

– Я не пойду! У меня нет сил, и мне плохо! Ты хочешь, чтобы я снова свалилась в обморок?!

Когда он снова оборачивается ко мне, в голубых глазах тонны холода и льда. В этот момент я думаю о том, что практически не помню того времени, когда любила тонуть в них. Сейчас я ненавижу их всем сердцем.

– Еду выбросить – силы были, значит, и до кухни дойдешь.

Больше не проронив ни слова, он вытянул меня в коридор. Не обращая внимания на мое сопротивление, Гесс привел меня в кухню. Резко толкнув на стул, навис надо мной.

– Ешь, – подвинул ко мне тарелку с едой.

Я принципиально даже не смотрела на ее содержимое. Верчу головой по сторонам в попытке унять бешеное сердцебиение.

Гесс устраивается напротив. И когда вокруг нас воцаряется тишина, мой желудок жалобно урчит.

Чувствую его пристальный взгляд, но стараюсь не смотреть на него, не думать, как сильно он мне противен. Со Смирновой были улыбки, а меня, словно на повадке сюда притащил. Сволочь. Испортила ему планы, не съела еду, а он не хочет получить от Давида. Горько смотреть на то, как мы оказались по разные стороны баррикад.

Я сижу неподвижно. Даже если буду умирать от голода, не притронусь к еде. Я устала от них.

– Ешь, – грубая команда над головой.

Он стоит рядом, вытянувшись во весь рост. Огромный, сильный, тот, кто сломал меня. Тот, кто продолжает ломать мою жизнь. И мне приходится прикрыть глаза, чтобы вспомнить, ради чего я терплю весь этот ад.

– Где он, скажи? – срывается сиплое с губ, когда я поднимаю на него взгляд. И ведь понимаю, что не ответит.

– Ты должна поест. Не думай не о чем, Роксана. Делай так, как тебе говорят.

Злится. А когда я не отвечаю, подается ближе, сжимает пальцами мой подбородок. Смотрит мне в глаза впервые за последние недели. Все это время, он делал вид, будто и не знает меня.

– А зачем мне делать то, что говорят? Давид забрал у меня сына, а ты выбрал своего брата, – слезы начинают душить, но я упорно держу улыбку на лице

– Ешь, я сказал.

Ярость мгновенно окатывает жаром.

– Пошел к черту!

Исай отстраняется. Но не для того, чтобы уйти, а для того, чтобы достать из-за пояса пистолет и направить его на меня.

– Я сказал, ешь.

– Стреляй, Исай. Ведь это именно то, что я готова от тебя принять. Это то, чего ты достоин.

Молчит, только скулы стиснуты, а в глазах бездна. Это злит. Я резко поднимаюсь, едва не роняя стул. Сейчас мне хочется говорить с ним на равных.

– Все, что происходит здесь – лишь твоя вина. Ты отдал ему меня, позволяя делать все эти вещи, а теперь имеешь наглость о чем-то просить меня? Только не говори, что я важна для тебя, не опускайся в мох глазам еще ниже!

Смотрит так, что душу наизнанку выворачивает.

– Ты важна для него.

Мне хочется расплакаться от его слов. Я ждала вспышки гнева или ярости, хоть чего-то, что укажет на то, что все это время он врал. Я жду доказательств того, что он все еще любит меня. А получаю новую пощечину. И почему его слова до сих пор причиняют мне боль? Неужели так и не смогу научиться быть сильной? Меня разрывает от боли, но когда я поднимаю на него глаза, в них нет ничего кроме ненависти.

– Вот пусть он и говорит мне, что делать. Но не ты. Не трогай меня, ты больше не имеешь права даже смотреть на меня, Гесс.

Я отталкиваю его, выбегая из кухни. Внутри меня настоящий пожар. Я так сильно горю, что мне больно! И когда я оказываюсь во дворе, практически у ворот, он догоняет меня.

– Вернись в комнату! – грубые руки хватают меня за предплечья.

– Отпусти меня!

Руки Исая еще крепче оплетают меня.

– Нет, – хриплое на ухо, совсем как раньше. Глаза наполнились слезами.

– Не трогай, пожалуйста, я так устала... Просто отпусти меня и я уйду.

Я дрожу так сильно, что кажется будто звуки, слетающие с пересохших губ, осколками стекла разлетаются по асфальту. Его пальцы на мгновение сжимаются на мне с такой силой, что становится больно.

– Это опасно! Если ты уйдешь, он погибнет!

Его слова словно поток ледяной воды на голову. Оттолкнув Гесса, стираю рукавом с лица слезы.

– Да плевать мне на тебя и на твоего брата! Плевать, чем тебе угрожает Давид! Ты жалок, Исай! Стоит вообще жить, скажи? Жизнь стоит того, чтобы так пресмыкаться?

Я вижу, как дергается мускул на его лице, как на мгновение сжимаются его скулы. И внезапно вспыхнувшая боль в его взгляде словно удар под дых.

– Ты противен мне! Больше никогда так не смотри на меня!

– Не буду. Обещаю, что не буду смотреть... просто успокойся, ладно?

Его слова что-то делают со мной. Я прихожу в себя. Словно только сейчас понимаю, что стою практически у выхода. Злость подобно снежной лавине выплеснулась наружу, не оставляя внутри ничего, кроме осознания ситуации.

Мне вдруг становится страшно. Я только что едва не подвела своего сына. Глаза наполняются слезами, от страха сковывает каждый нерв. Теперь я смотрю на него с мольбой, цепляясь за ткань его рубашки.

– Пожалуйста, помоги мне, Исай! Я хочу увидеть своего сына, пожалуйста... я больше так не могу!

Он ничего не говорит, только усталых глаз с меня не сводит.

Осознание собственной беспомощности, осознание того, что даже если я упаду ему в ноги, это ничего не решит, не заставит его помочь мне, затягивается петлей на шее.

Он выбрал брата, не меня.

Я толкаю его так сильно, что он отступает на шаг. В глазах снова слезы, во мне столько обиды, она не дает мне нормально дышать.

– Ты выбрал Мирона, даже после того, как он отказался от тебя. Даже после того как он выбрал девушку, ты остался верен ему. А я так старалась помочь тебе, я была вся твоя,

но ты отвернулся от меня. Я хочу, чтобы ты знал, если с ним что-то случится... если Даня пострадает, я убью тебя, Исай. Сначала Давида, а потом тебя. И пусть я потом сгнию в тюрьме, или сдохну, но я сделаю это...

Я пытаюсь пройти, но он хватает меня за запястье, останавливая. Гесс не смотрит на меня. Он стоит в пол-оборота, словно не хочет, чтобы я видела его сейчас.

– Так и делай, Роксана. Не будь жалкой, а продолжай бороться. Не смей голодать или истерить. Собери себя в руки и делай то, что должна. У твоего сына нет никого кроме тебя.

Исай отпускает меня и срывается в сторону дома. Несколько минут, пораженная его фразой, словно разрядом молнии, я стою неподвижно, глядя ему в след. А когда я опускаю глаза себе под ноги, вижу лежащую на асфальте рядом со мной резинку.

Черного цвета резинка для волос с небольшим украшением в виде лилии. Именно ее я купила на придорожном рынке, когда мы ехали домой с зоопарка. Помню, в тот день мне сильно мешали волосы из-за ветра, и, увидев ее на прилавке, я так обрадовалась и тут же ее взяла. Она стоила сушие копейки, но безумно понравилась мне.

Исай постоянно снимал ее с моих волос. При любом удобном случае, стягивал ее, говоря о том, что любит, когда мои волосы распущены. И сейчас, глядя на эту вещь из нашего прошлого, которое вдруг стало таким призрачным и далеким, я почувствовала, как по телу пробежала дрожь. И словно все те чувства, что были погребены под его предательством и грубостью, выплыли на поверхность. Слезы снова подступили к глазам, я стиснула в руках резинку, и уверенным шагом направилась в сторону дома.

Глава 6. Что посеешь...

Можно до конца своих дней утопать в обиде на него. Можно продолжать ненавидеть всех и упиваться своей слабостью. Я пыталась так делать, но Гесс помог мне понять, что этот путь – худшее, что я могу выбрать.

Пускай Исай отступился от меня, но я больше не хочу думать о его поступках. Собрав волосы в высокий хвост, и перевязав их резинкой, я решительно настроилась бороться. Первое, что я сделала после нашего разговора у ворот – вернулась в кухню и, давясь слезами, съела все до последней крошки.

В течение последующих двух дней я несколько раз сталкивалась с Давидом, и старалась не реагировать ни на один из его выпадов. Вокруг него постоянно вилась Смирнова, удивительно, но на этот раз она вовсе не предпринимала попыток обидеть меня или как-то задеть.

Вчера за ужином, на который меня пригласил Астахов, Женя словно старалась избегать со мной даже зрительного контакта. И когда я попросила Давида, чтобы разрешил мне пересесть подальше от Гесса и ближе к самому Астахову, Смирнова словно и не расстроилась вовсе. Продолжала хохотать от шуток одного из охранников, делая вид, словно все в полном порядке.

Астахов тоже немного успокоился после той вспышки гнева. То ли ему польстило мое желание сидеть рядом с ним, то ли он делал вид, словно верит в честность моих слов. Но теперь он никак не задевал меня, и, более того, время от времени, словно невзначай касался руками моих бедер. Не хочу вспоминать о том, каких усилий мне стоило не вздрагивать каждый раз, когда его пальцы скользили по оголенным ногам, как мне приходилось стараться, чтобы улыбка на моих губах смотрелась естественной, а не желанием удавиться.

В тот момент, я поймала себя на мысли, что впервые мне на самом деле плевать, что думает Исай, смотрит ли он или как поступит. Его слова, брошенные мне во дворе два дня назад, помогли привести в себя в чувства. Словно до этого момента я все не могла поверить в происходящее. Мне будто казалось, что Гесс играет, и, вот-вот схватит пистолет, и, угрожая всем, заберет меня, и вместе мы поедem за Даней. Глупость несусветная, но лишь услышав от него все, я наконец-то свыклась с реальностью.

И сейчас, когда одна из домработниц Давида, принесла мне в комнату завтрак, я поблагодарила ее и тут же принялась за еду. Опустив взгляд в тарелку, слегка улыбнулась. Как и все эти пару дней, еда на подносе была свежей и аппетитной, а мясо, занимавшее большую часть блюда, было аккуратно нарезано на мелкие порционные куски.

Гесс делал так каждый раз, и это было его поддержкой. Теперь он лично заботился о моей еде, и столь незначительный жест с его стороны, как нарезка мяса казался мне мощной поддержкой. Казался мне тем, что не давало опустить рук.

После завтрака, я отправилась в кухню. Убрать посуду и немного прогуляться – вот и все развлечения, что я могла себе позволить. В гостиной никого не было, и я решила остаться ненадолго в комнате. Устроившись на диван, прикрыла глаза. Странное спокойствие, охватившее меня в последние дни, радовало. Прежнее состояние сильно выматывало.

– Доброе утро, – раздался мужской голос неподалеку.

Распахнув глаза, я поднялась повыше.

Рядом стоял Олег. Взгляд парня с любопытством исследовал меня.

– Доброе, – прочистив горло, поднялась с дивана. – Что-то случилось?

Он нахмурился.

– Шеф в кабинете, хочет вас видеть.

Кивнув, я тут же вскочила с дивана. Странное волнение охватило с головы до пят. Поправив волосы, прошла на второй этаж.

Давид сидел за рабочим столом. Рядом с ним, на диване расположился Гесс. Нарочно не смотря на второго, я прошла к Астахову и устроилась на стуле напротив.

– Ты меня звал?

Оторвав взгляд от бумаг, он внимательно посмотрел на меня.

– Как ты себя чувствуешь?

Пожав плечами, улыбнулась

– Все хорошо. А ты?

От неожиданности, Давид не сразу нашелся с ответом. По насупленным бровям и напряженному выражению лица, я поняла, что смогла сбить его с толку.

– У тебя хорошее настроение? – произнес, нервно усмехаясь, а затем настороженный взгляд мужчины скользнул к Гессу.

Я пожала плечами, словно не поняла его удивления.

– Прошел еще один день, а, значит, я еще ближе к встрече с ребенком.

Словно не услышав моих слов, он протянул мне открытку. Пока я рассматривала каллиграфический подчерк, с которым выполнено приглашение, Давид заговорил.

– Сегодня мы едем на ужин. Надеюсь, мне не стоит говорить о том, чтобы ты не совершала ошибок и вела себя, не вызывая подозрения у остальных?

Я подняла на него удивленный взгляд.

– Не стоит никому знать о семейных дрязгах.

Я лишь кивнула. От волнения перехватило горло.

– Но, у меня нет ничего из нарядов. Мои все изрезаны и выброшены, – на последней фразе я осеклась. Не знаю, как он отреагирует на это замечание. Когда Давид притащил меня в дом, в первый же день он закатил жуткий скандал и у меня на глазах уничтожил всю мою одежду.

В ответ он сухо кивнул.

– Поедешь с Олегом в торговый центр, выберешь себе все, что нужно.

Я сделала вид, словно безумно рада этой перспективе.

– Спасибо. Я с радостью сопровожу тебя.

Довольно ухмыльнувшись, он вытащил из кармана кредитку и протянул ее мне, а затем сделал знак рукой, прося, чтобы я покинула кабинет. Не желая находиться тут ни секундой дольше, я послушно поднялась, возбужденно потирая ладони о бедра.

– Так, я могу подойти к Олегу сейчас? Он ведь не занят? Или мы отправимся позже?

Давид, снова увлекшись записями на столе, вернул ко мне хмурый взгляд.

– Да, я сейчас скажу ему.

Я вылетела из комнаты стремглав. И даже если бы в тот момент я обернулась и посмотрела на Гесса, то не увидела бы ничего нового для себя. Он также как и я делал вид, словно ему совершенно не интересно все, что происходит вокруг.

В гостиную, едва завидев парня, я понеслась к нему. Олег в этот момент разговаривал с другими охранниками.

– Олег! Ты уже в курсе? Давид дал разрешение, – я радостно повертела в руках кредитную карту.

Парень убрал телефон в карман и засмеялся, но вдруг замер. Его взгляд был устремлен куда-то мне за спину. Обернувшись, со все еще зажатой в руке кредиткой Давида, я посмотрела в миг ставшие злыми глаза Смирновой.

Женя стояла в нескольких метрах от нас, в ее руке была чашка с дымящимся напитком. Ее пальцы так сильно сжались на ней, что на мгновение стало страшно. Подойдя ближе, она опустила взгляд на кредитку.

– Ты едешь по магазинам? – вздернула бровью, выглядя при этом так, словно говорить со мной – это последнее, чего бы она хотела.

– Да, но приглашать тебя не буду, – ответила с широкой улыбкой на лице. Несмотря на привилегированное положение этой женщины в доме Астахова, я не собиралась заискивать перед ней.

Я видела, как ее перекосило от злости, но, вдруг бросив взгляд куда-то в сторону, Смирнова внезапно улыбнулась.

– Хорошей поездки тебе и получить удовольствие от шоппинга, – произнесла это, она тут же сорвалась из комнаты.

Растерянная и ошеломленная ее реакцией, я продолжила стоять на месте.

– Олег, отвези Роксану в торговый центр. К трем часам вы должны вернуться, – лишь голос Гесса, раздавшийся со стороны лестницы, привел в чувства. Убрав карту в карман, я обменялась взглядом с Олегом. Так и не посмотрев на Гесса, я следом за охранником направилась к выходу.

Поездка в торговый оказалась хорошей возможностью выдохнуть. Просто, не о чем не думая, пройтись по магазинам. Возможностью представить хотя бы на пару часов, что жизнь не скатилась в бездну, и у меня все еще есть надежда на счастье или простые человеческие радости.

Платье я выбрала быстро. Черное с запахом, при ходьбе оно оголяло мои ноги до максимально разрешенной длины. Все было на грани, но не переходило ее. Закончив образ серебристыми басаножками и клатчем в похожем стиле, я вышла из магазина.

На скамейке напротив итальянской пиццерии меня ждал Олег.

– Все? Можем ехать?

Парень нервно посмотрел на часы. На самом деле, я планировала попросить его остаться здесь и пообедать в кафе. Не хотелось уходить из этого места. Но увидев, как сильно он напряжен, я не решилась просить его о подобном. Лишь кивнув в ответ, я послушно прошла вслед за охранником прямо к машине.

На всем пути до дома, мы ехали в полной тишине. Я прикупила немного косметики, и собиралась заняться подготовкой к вечеру, но мои мысли постоянно крутились вокруг Олега. Что стало причиной столь резкой напряженности и тишины? Обычно мы болтали с ним обо всем на свете, а сейчас он словно ушел в себя. На все мои попытки завязать разговор он реагировал крайне странно. Сухо кивал в ответ на вопросы, или вовсе игнорировал мои слова. Устав от догадок, я прикрыла глаза, постаравшись расслабиться.

К нашему приезду в доме все было спокойно. Давид все также сидел в кабинете, Гесс с несколькими парнями куда-то уехал. Смирнову я застала у бассейна – оголившись до открытого купальника, она принимала солнечные ванны.

Когда я проходила мимо нее, снова вспомнила наш разговор, и то, как резко она поменялась в лице, увидев Исаю. Что могло послужить причиной ее страха?

– Роксан, оставайся в комнате. Обед я сейчас принесу. Выезжаем в шесть часов, – бросив короткие команды, Олег закрыл дверь моей спальни на замок, оставив меня в полной тишине.

В груди снова затаилась тревога. Я не могла понять, что меня так волнует, но предчувствие беды не отпускало ни на минуту. Стараясь успокоить себя, я занялась подготовкой к вечеру. Погладила платье и распаковала косметику. Уже было подумала о том, чтобы направиться в душ, но услышала, как проворачивается дверной замок.

Спустя несколько мгновений в комнате появился Олег с подносом в руках. Странно посмотрев на меня, он прошел напрямик в ванную комнату. Удивленно застыв, я не сводила с него глаз, и когда он исчез за дверью, словно встрепенувшись, рванула следом.

Стоило оказаться в комнате, он тут же прижал меня к стене плечом. Мгновение – и в мои руки был вложен телефон.

– Вам лучше пройти в душ. Скоро выезжать, времени мало, – произнес Олег, указывая взглядом в сторону спальни. По всей видимости, там камеры, и сейчас они снимали нас. Опустив глаза на телефон в руке, я вернула взгляд к Олегу. Я не понимала, что именно он хочет от меня, но каждая мышца уже вибрировала от напряжения.

– Я подожду в комнате, – выйдя из ванной, он оставил меня одну. Я тут же прошла в душевую и запершись в кабинке, включила телефон.

На экране замершее видео. Нажав на воспроизведение, я не смогла оторвать взгляд от экрана ближайшие полминуты. Тридцать секунд, которые я повторяла снова и снова, тридцать секунд, заставившие мои глаза наполниться слезами, а сердце гнать кровь с утроенной силой. Там был мой сын. Даня играл в футбол с тремя мужчинами, по всей видимости, охраной, приставленной к нему.

Они были на небольшой спортивной площадке, и я никак не могла понять, что это за место. Да и особо не старалась. Все мое внимание было приковано к улыбающемуся личику Дани, гоняющемуся за мячом. Я словно полоумная рыскала глазами по оголенным участкам тела, со страхом ожидая найти синяки или ссадины. Но к собственному облегчению, мой сын был полностью цел и невредим.

Внезапный стук в дверь заставил вздрогнуть.

– Роксана, вы должны поспешить. Мне приказано проследить за вашим обедом.

Смахнув с лица слезы, я убрала телефон в карман спортивных брюк, и вышла из ванной комнаты. Олег кивнул на стол, где стояла еда. Послушно пройдя и усевшись, я уставилась на него. Парень посмотрел на циферблат часов, и в это мгновение свет в комнате погас.

– Сейчас, – резко скомандовал охранник. Трясущимися руками я потянулась к карману и, вытащив телефон, протянула ему. Стоило Олегу спрятать гаджет, свет снова появился.

– Ешьте. Нам стоит поспешить.

Олег поднялся и подошел к окну. С трудом уняв нервное возбуждение, я принялась выполнять его просьбу. До конца не понимая, зачем ему следить за мной, я старалась быстрее проглотить все, что наложили в тарелку. И судя по аккуратно нарезанным кусочкам семги, я вдруг поняла, кто именно передал мне послание от сына. Исай.

Догадка была столь неожиданной, что я никак не могла поверить. Зачем ему делать это? Он ведь ясно дал понять, что наши пути расходятся... Зная, что рискует Мироном, предоставив это видео мне, Исай все же пошел на это...

В груди что-то щелкнуло. словно до этого покрытое льдом сердце вдруг стало оттаивать. Слабый, едва различимый огонек надежды забрезжил передо мной, и не думая ни секунды, я ухватила за него.

– Все, я готова, – закончив с последним кусочком рыбы, я с улыбкой посмотрела на Олега. Обернувшись, тот замер на мне напряженным взглядом. Кивнув собственным мыслям, он подошел ближе и, забрав поднос, сообщил о том, что явится за мной через полтора часа.

Оставшись наедине, я прошла в ванную комнату и посмотрела в зеркало. С удивлением осознала, что вот уже несколько минут улыбка не сходит с моего лица. Она смотрелась на мне так чуждо, словно я никогда не умела этого делать. Подумать только, моя жизнь покатила под откос всего несколько недель назад, а, кажется, будто я нахожусь в этом ужасном месте намного дольше.

Я с ума сходила от догадок, но, в итоге решила, что не стоит возлагать на Исая слишком много надежд. Я восприму этот подарок как единственную помощь, которую он способен оказать. Так будет проще – не надеяться, чтобы не разочаровываться.

Когда я спустилась на первый этаж, Давид уже был в гостиной. Он сидел на диване, с телефоном, прижатым к уху. Скользнув по мне беглым взглядом и отвернувшись, он замер, а спустя несколько мгновений, вернул ко мне внимание. Восхищение, вспыхнувшее в его глазах, не стало моим триумфом. Не обращая внимания на его реакцию, я подошла ближе. Астахов тут же поднялся и сбросил вызов.

– А я и забыл уже, какой ты можешь быть... – его губы расплылись в самодовольной улыбке.словно мой внешний вид – его заслуга. Давид приблизился вплотную и провел пальцами вдоль линии скул, в жадном взгляде черных глаз так и горел огонь. Я не успела ответить, он перевел взгляд мне за спину, брови Астахова тут же сомкнулись на переносице.

– Идем в машину, у нас не так много времени, – проговорил сумрачно и направился в сторону выхода.

Обернувшись, я столкнулась глазами с Исаем. Он стоял у дверей. Строгий костюм и волосы, затянутые в пучок на затылке. Похудевший за последние недели он выглядел так элегантно, словно всю жизнь носил строгие костюмы.

Сердце дрогнуло, когда я проходила мимо, и, словно все еще надеясь на нечто большее, я остановилась на мгновение, поравнявшись с ним. Но когда я снова подняла на него взгляд, сама еще не понимая, что именно хочу сказать, и хочу ли вообще, он тут же отвел глаза, прося меня проходить.

Колкое ощущение разочарования, свинцом разлитое по венам, ничуть не помешало мне взять себя в руки. И когда мы все устроились в авто, и Исай завел мотор, я даже не пыталась смотреть на него.

– Сегодня очень важный вечер, – тишину разрушил голос Давида. Я вздрогнула и посмотрела на Астахова со всей внимательностью, на которую была сейчас способна. Меня даже обрадовало его желание поговорить – так было проще закрыться от собственных мыслей, что не давали покоя.

– Будь готова к тому, что не все присутствующие обрадуются нам. Для основной части наших прежних друзей мы запятнанные и грязные. Косые взгляды – лишь малая часть того, с чем тебе придется встретиться.

Я вдруг почувствовала на себе посторонний взгляд. Два голубых кристально чистых омута незаметно сверлили меня в зеркале заднего вида. На мгновение скользнув взглядом в его сторону, почувствовала как гулко забилося сердце.

– Мне плевать, как они на меня смотрят. Думаю, ты провел для меня хороший курс молодого бойца, после тех вещей, что ты заставлял меня делать, их косые взгляды я даже не замечу.

Я почувствовала его злость и даже успела пожалеть о сказанных словах, но Астахов сделал вид, словно не услышал моих заявлений. Либо сейчас они его не интересовали.

– Ты должна постоянно быть со мной. Если вдруг я буду вынужден отлучиться, будь на виду у Гесса.

– Если все так тревожно, зачем мы едем туда? Неужели не лучше было бы остаться дома? Давид посмотрел на меня так, словно я сморозила несусветную глупость.

– Если бы в жизни мы должны были делать только то, что хотим, было бы прекрасно...

Стоило ему произнести эти слова, машина остановилась. Посмотрев по сторонам, я обнаружила, что мы припарковались у парковой зоны на краю города. Когда-то мы с Давидом уже были в этих местах. В самом углублении находится загородный клуб с сетью ресторанов и прочих развлекательных мест.

– Ну, с Богом, – выдохнул Давид и вышел из авто.

Я потянулась к ручке, намереваясь выйти следом, но что-то не давало мне сделать этого. Словно вся кровь, бежавшая по венам, вдруг загустела. Я подняла глаза к Исаю, он смотрел перед собой.

– Спасибо, – сорвался шепот с моих губ, прежде чем я успела одернуть себя. Как бы то ни было, я не могла не поблагодарить его за то, что он сделал. Светлые глаза Гесса тут же показались в зеркале. Он откинулся головой о спинку сидения, не сводя с меня взгляда. Как ни старалась, ничего я в них не увидела, хотя, то были лишь считанные мгновения до момента, как он открыл дверь и вышел из машины.

Сердце билось так сильно, что мне пришлось прикрыть глаза и сделать несколько коротких вдохов. Я почувствовала свежий ветер, коснувшийся моей кожи после того, как кто-то открыл дверь с моей стороны. Горячая ладонь накрыла мое запястье, и я встретила взглядом с черными непроницаемыми глазами. Разочарование горьким привкусом осело на языке.

– Не переживай, я рядом. Все будет хорошо, – улыбнулся Астахов и потянул на себя.

Стоило нам выйти, в воздухе раздался оглушительный свист. Не успев ничего понять, я почувствовала, как Давид вдруг навалился на меня. Придавленная его телом, я не могла вдохнуть. Вокруг нас нарастал шум. Чьи-то шаги, голоса, звуки борьбы. Астахов, словно придя в себя, оттолкнулся от машины, поднимаясь. Наши взгляды на мгновение встретились. Я читала в его безумных глазах страх, и когда он поднял руку, я увидела кровь, стекающую по тыльной стороне его ладони.

Глава 7. Делая больно, не забывай защищаться

– Отошли на два шага, иначе он сдохнет! – грозный рык Исай успокаивает меня. Когда я выглядываю из-за Давида, вижу, что он держит в заложниках одного из нападавших мужчин. Остальные трое стоят чуть поодаль с направленным на нас оружием.

От страха перед глазами все кружилось. Давид буквально повис на мне. Из его плеча струилась кровь, заливая красным белую ткань рубашки.

– Брось оружие, у нас нет с тобой проблем. Отдай нам Астахова, и можешь валить куда хочешь... – произнес тот, что был самый главный из них. На всех налетчиках были надеты маски, но судя по голосу, этот был далеко не молод.

Давид нервничал. Я почувствовала его страх, он сжимал мое плечо так сильно, что доставляло мне боль. В этот момент Исай обернулся и наши с ним взгляды встретились.

– Ну же! – мелькнуло в моей голове. – Это тот самый момент, Гесс! Оставить его и уйти! Я не знаю, кем были эти бандиты, но нам нечего было делить. Это был реальный шанс спасти себя... И я была уверена, что Исай думает также. Когда он обернулся к остальным, и когда снял с предохранителя ствол, я все еще верила, что он заберет меня, и мы спасемся. Но когда прогремел выстрел, и тот самый главарь рухнул на колени, держась за окровавленную шею рукой, внутри меня все заледенело.

– Давид, в машину! Уезжайте! – крикнул Исай, прячась за спиной бандита, которого все еще держал в заложниках. Я не успела опомниться, как Давид толкнул меня в салон машины, а сам, в полусогнутом положении добрался до водительского места. И лишь когда он завел мотор, и авто сорвалось с места, я осознала, что натворил Исай. Гесс пожертвовал собой ради Давида! Он отпустил Астахова, оставшись наедине с бандой налетчиков!

– Пригнись! – рыкнул Давид, когда я попыталась обернуться и посмотреть назад. В этот момент заднее стекло треснуло и мелкой крошкой осыпалось на меня.

Давид гнал с такой скоростью, что было страшно. Меня бросало по салону от резких поворотов. Шипя от боли, он достал телефон и набрал чей-то номер.

– Быстро врача домой, я ранен. И позвони Арсену, скажи, что люди Карима вышли на нас.

Все что я могла делать – молиться про себя о том, чтобы он был жив. Даже представить было страшно, что мы оставили Исай там одного. Зачем, он сделал это?! Зачем подставил себя, спасая Астахова?! Я не могла понять его поступков, я злилась и ничего не могла поделать. Все что мне оставалось – делать вид, словно кроме Давида меня никто не интересуется.

– Ты как? – раздался его голос.

Машина остановилась, и лишь когда я отняла ладони от лица, увидела, что мы въехали во двор.

– В...в порядке. А ты? Столько крови... – голос сорвался, когда я опустила глаза на его торс. Расстегнутая у ворота рубашка, прилипшая к телу ткань, окрашенная в темно-красный.

– Жить буду, не переживай... – на белоснежном, взмокшем от пота лице появилась вымученная улыбка. – Или ты не обо мне печешься?

Я вышла из машины и открыла водительскую дверь.

– Идем, тебе нужно к врачу...

Когда Давид протянул ко мне руку, она дрожала. Ранение ослабило его настолько, что он был в шаге от обморока. Подставив плечо, взгромоздила его тело на себя. Он был тяжелым, хоть и пытался перебирать ногами.

– Подумать только, предатели спасают меня, – ухмыльнулся, когда я в очередной раз едва не упала вместе с ним.

Я знала, что он говорит обо мне и о Гессе, но сделала вид, словно не слышу его слова. Обернувшись в сторону дома, увидела выбежавшего навстречу Олега.

– Давай, помоги мне, – из горла вырвался приглушенный хрип, каждый последующий шаг отнимал у меня все больше сил.

Охранник поспешил к нам, и, поднырнув под вторую руку, помог затащить его в дом.

К тому моменту как мы опустили его на кровать, Давид был уже не в сознании. Не успела я опомниться, в комнату вбежали несколько мужчин. Среди них были охранники Астахова и, по всей видимости, вызванный им врач. Мужчины принялись расставлять медицинское оборудование – капельницы, ампулы с лекарствами и прочее. Доктор, осмотрев на скорую рану, тут же сделал укол обезболивающего.

Я стояла и смотрела на залитую кровью руку, успевшей пропитать простыню. Я смотрела на его мертвецки бледное лицо, и едва приоткрытые глаза, и вдруг такой страх охватил меня. Ноги стали ватными, каждый нерв задрожал. А что, если он умрет? Что, если я никогда не увижу своего сына?! От этой мысли потемнело в глазах и мне пришлось схватиться за подоконник, чтобы не упасть.

– Артем, – слабый голос Давида словно маленький огонек в окружающей меня тьме. Я схватилась за него, стараясь выпутаться из панического оцепенения.

Охранник подошел к Астахову, над которым в этот момент склонился врач.

– Роксане плохо, присмотри за ней...

Его голос словно вырванные обрывки чужого эха. Я не понимала, что происходит. И когда меня вдруг коснулись чужие мужские руки, с губ сорвался испуганный вскрик.

– Роксан, пойдем, – охранник Астахова потянул меня в сторону. После того как он усадил меня в кресло, моих губ тут же коснулась кромка бокала с водой.

– Выпей немного. Станет легче.

Я послушно сделала глоток. Тут же затошнило.

– Лучше будет всем выйти, – раздался голос врача. – Я зашью рану и обработаю ее.

Артем схватил меня за предплечье, пытаясь заставить подняться. Все остальные ребята уже покинули комнату.

– Нет, она пусть останется, – прохрипел Давид.

Я повернулась к нему. Он лежал на боку, затуманенный взгляд лихорадочно скользил по мне. Астахов впервые в жизни выглядел напуганным.

– Если ты не против, так мне будет легче, – добавил еле слышно.

Я послушно кивнула в ответ и опустилась в кресло.

Я ужасно боялась смотреть на него. Запах крови заполнил комнату, к горлу подкатила тошнота. Но Астахов и здесь не смягчил мою участь – он, во что бы то ни стало, хотел держать меня здоровой рукой, пока доктор зашивал его рану. Я смотрела в его утасоющие глаза, смотрела на взмокший от пота и искривленный от боли лоб, и ловила себя на мысли что не чувствую ничего, что должна ощущать в подобный момент. В моем сердце не было жалости, не было сострадания. Я просто делала то, что должна, ведь только так я смогу увидеть сына.

– Он уснул, – белесые глаза пожилого доктора внимательно смотрели на меня. – Пуля задела артерию, от этого столько крови. Но опасность уже позади. Мы сделали переливание, к вечеру он придет в себя.

Я попыталась подняться, но его ладонь все еще крепко держалась за мою. Тогда я осторожно разжала каждый из занемевших пальцев, и выпрямилась в полный рост. От долгого сидения жутко болела спина, в голове отдавало пульсацией. Мне нужно было выбраться наружу, во что бы то ни стало, глотнуть воздуха и унять разбушевавшиеся нервы.

Оставив с Давидом одного из охраны, я вышла в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. По лестничному пролету как раз поднимался Олег. Встретившись с ним взглядом, я тут же рванула навстречу.

– Он вернулся? – слетело с губ прежде, чем я смогла обдумать сказанное. И стоило мне это произнести, из груди словно в момент ушло все давление, что так сильно подпирало ребра изнутри.

Парень нахмурился.

– Ты о Гессе?

Я лишь кивнула в ответ, нервно прикусив губу. Показывать так явно свою заинтересованность Исаем было ошибкой с моей стороны, но сейчас я была не в силах бороться со страхом.

– Да, он только что приехал, внизу в гостиной поищи, – и, словно ему было некогда со мной разговаривать, Олег сорвался в сторону кабинета Астахова.

Я же со всех ног побежала вниз. В груди загорелся огонек, вселяя надежду в мое израненное сердце. Ощущая себя изможденной всеми событиями, я перестала отрицать очевидное – все это время, присутствуя на операции Давида, сидя с ним рядом, я думала о другом. Мое сердце болело только о Гессе, и, узнав, что он в полном порядке, я почувствовала, как меня охватила радость.

Не помня себя от счастья, залетела в гостиную и замерла, не дыша. Я нашла его стоящим в углу комнаты. Что-то сразу показалось мне странным. Еще не понимая, что именно беспокоит меня, я прижалась к стене, прячась за высокой колонной.

Гесс стоял ко мне спиной. Одна его рука упиралась в стену, в то время как вторая была на поясе. Я жадно скользила по высокой фигуре Исаа, в поисках увечий. И когда глаза наткнулись на красное пятно на рубашке в районе предплечья, сердце сжало в тисках.

– Исай, хватит, – раздался недовольный женский голосок. Я вздрогнула, всматриваясь сильнее в угол комнаты. Оказывается, Исай держал в ловушке своих рук какую-то девушку. Я внимательно всматривалась в ее очертания, пытаюсь понять, кому принадлежит тоненький голос. Она что-то говорила ему, но я не разбирала слов. Гесс ответил также тихо, а после она вспыхнула.

– А ты трахни меня, Гесс! – требование, наравне с командой. Она так громко произнесла эти слова, что их не услышал бы только глухой. Оцепенение, сковавшее каждый узелок нервов, мешало нормально дышать. Я знала, кому принадлежит этот голос.

Я увидела, как пальцы Смирновой скользнули по скуле Исаа. Гесс стоял неподвижно, позволяя ей трогать себя.

– Переспи со мной. Уверена, то, что у тебя ниже пояса не разочарует меня, – она хмыкнула в ответ на его тихую реплику. Ее глаза жадно скользили по его телу. – Давай трахнемся, чтобы мы оба имели козыри. Заодно и отомстишь ему...

Сквозь сумрачный туман, стоящий перед глазами, я видела, как он наклоняется к ней, как при этом движении напрягаются мышцы его спины. Мое израненное сердце забыло, как биться, когда я услышала его ответ.

– Как можно отказаться от такого предложения?

Разве мне нужно стоять тут и дальше? Разве я еще не достаточно унижена им? На негнущихся ногах я разворачиваюсь назад, и, зажав ладонью рвущийся крик отчаяния, срываюсь в сторону лестницы. Когда я оказываюсь в своей комнате, тишина и ее теснота давят на меня. В груди так сильно горит, что мне хочется разодрать ее. И я срываю с себя одежду, запрыгивая в холодный душ в попытке унять этот жуткий огонь, не дающий мне вздохнуть.

Раздавленная, преданная в сотый раз тем, кому позволила это сделать, я долго стою под струями воды, пытаюсь прокричаться и отдышаться. Я рьяно тру лицо и тело, надеясь стереть свои чувства к нему. К предателю, к трусу, к тому человеку, кто снова растоптал меня.

В комнату к Давиду я зашла опустошенная и спокойная. Все слезы были спущены в душевой сток, и сердце, хоть и отдавало тупой болью, но с этой болью я уже могла справиться.

Давид пришел в себя около полуночи, и тут же попросил охрану привести меня. Слегка постучав, я приоткрыла дверь и прошла в помещение.

В комнате царил порядок. Глядя на кристально чистые простыни его постели, вдыхая свежий воздух комнаты, даже представить было сложно, что именно происходило здесь несколько часов назад. Девочки уборщицы постарались на славу. Да и сам Давид выглядел намного лучше. Он сидел, опираясь спиной о высокое изголовье кровати. На его коленях были разложены документы, а в руках зажат телефон. Он был совершенно один, по всей видимости, решал важные для бизнеса вопросы.

– Прости, я не вовремя? – неуверенно замерла. Давид быстро попрощался с собеседником и похлопал рукой по свободному месту рядом.

– Все в порядке, я ведь сам позвал тебя, – произнес, когда я послушно устроилась на кровати. Его ладонь с прикрепленной к тыльной стороне бабочкой, накрыла мою. Черные глаза жадно исследовали меня.

– Испугалась?

Кивнула в ответ. От его тихого голоса и столь незатейливого вопроса на глаза набегали слезы. Сегодня произошло так много всего, и я просто не могла держать себя в руках.

– Эй, я разберусь со всем, – произнес с усмешкой, стирая с моего лица слезы. – Здесь беспокойно, поэтому Дане будет лучше подальше от нас. Завра я покажу тебе его, хорошо?

Я подняла на него глаза и тут же закивала. Ссохшиеся губы Астахова исказила улыбка. Здоровая рука Давида обвила мои плечи, он притянул к себе, касаясь губами моего виска. В этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Гесс. Когда Давид отстранился, выпуская меня из объятий, я посмотрела на Исая. Всегда светлое небо его глаз сейчас было грозovým. Я придвинулась ближе к Давиду, буквально прильнув к его руке – мне доставляло удовольствие видеть его злость, на которую он не имел никакого права. В ушах так и стоял звонкий смех Смирновой и ее предложение переспать.

Гесс устроился в кресле напротив. Он сидел расслабленно, выглядя так, словно ему плевать на все, что происходит вокруг.

– Ты как, цел? – он словно нарочно смотрел только на Давида. Тот кивнул в ответ.

– Видишь, как прошлое нас находит. Словно гребаная назойливая муха... – засмеялся Астахов и зашелся грудным кашлем.

Лицо Исая стало сумрачным.

– Нужно подключать твоих людей, мы сами не вывезем. Сейчас не до этого совсем... Карим после одной попытки не успокоится, и ты это прекрасно знаешь. Тем более, он в курсе всех твоих секретов и тайных мест. До дела осталось всего пара недель, и у тебя нет столько людей и прочего ресурса... Более того, Карим может предупредить Балашева...

Давид сделал резкий взмах рукой, останавливая Гесса. Исай послушно замолк, тогда Астахов перевел на меня взгляд.

– Роксан, погуляй немного, через час возвращайся. Сегодня останешься у меня... – когда он говорил это, его голос был тихим, он смотрел только на меня и улыбался так, словно на самом деле хочет этого. Казалось, будто Давид после перенесенного покушения забыл все обиды прошлого. И сейчас относился ко мне так, словно я до сих пор его жена, а Исай просто начальник охраны.

Моя злость на Гесса была такой сильной, что сейчас я готова была подыграть Астахову, брось он целоваться. Ярость и ощущение, что меня предали, душило, застила ясность ума. Да попади мне в руки оружие, я бы горячностью наставила его на мощную грудь Гесса. Только что бы я сделала? Выстрелила? Нет, конечно. Как бы я ни ненавидела его, сделать ему больно не в моих силах.

Я посмотрела на Давида так нежно, словно передо мной сидел самый близкий человек.

– Не перенапрягайся, сейчас тебе нужно отдыхать, – покосившись со злостью на Гесса, встретила с ним взглядом. Ярость, полыхающая в его глазах, подпитывала меня.

С гордо поднятой головой я вышла из комнаты и лишь когда за мной закрылась дверь, и я очутилась в пустом коридоре, мое лицо исказилось от боли, и я согнулась пополам, держа пальцами за парапет ограждения. Только оставшись наедине, я позволила себе минутную слабость.

Бесцельно разгуливая по дому, я думала о словах Давида. Огонек надежды теплился в груди, и если бы не Гесс и его возня со Смирновой, я бы могла чувствовать себя счастливой.

За бесконечными думами, не заметила, как забрела в дальнюю комнату на первом этаже. Это было нечто, похожее на библиотеку. Удобный диван, письменный стол и нагроможденные книжными полками стены. Их было так много, они сплошным рядом тянулись от пола к потолку. Здесь было множество книг. Я собирала их во время декретного отпуска. Скупала в магазинах все, что хотелось прочесть. Казалось, впереди столько времени, и я представляла, как буду сидеть в беседке, и наслаждаться тем или иным романом. Но по итогу все стояло нетронутым, и сейчас, попав в комнату, я подумала, что лучшая возможность скоротать время – уйти с головой в ту или иную историю. Подальше от пугающей реальности.

Я выбирала романы на верхней полке, и уже потянулась за одним из них, когда почувствовала странное жжение. Словно кожу шеи и спины обдало горячим воздухом. Сердце в груди заклокотало, я судорожно сглотнула, а в следующее мгновение над головой раздался глубокий мужской голос.

– Не ходи к нему. Останься на ночь у себя.

Вздрагнула, замерев пальцами на корешке книги. Но лишь для того, чтобы взять себя в руки и сжать в кулак все эмоции, разрывающие в этот момент. Стянула с полки книгу и, перелистнула страницы, словно мне нет до его слов никакого дела. Ревнует? Беситься, от того что я все же вернусь к Давиду? Неважно, что это не так, сейчас мне хотелось задеть его. Вонзить нож и провернуть его так, чтобы он задышался от боли. Чтобы знал, какого было мне, когда я услышала его разговор со Смирновой. И когда я обернулась, и увидела, его губы в нескольких сантиметрах от моего лица, это не было для меня неожиданностью, способной сбить с толку.

– Не тебе решать уж точно, где мне быть и с кем спать! – процедила сквозь зубы, сверля его взглядом. Видела, как дернулся кадык, как свело скулы от злости. Бесился? Плевать мне на него, Гесс потерял ощущение реальности и давно уже не видит грань дозволенного. Если он считает, что после всего останется для меня важным человеком – он ошибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.